

#После Огня

Автор:

[Олли Вингет](#)

#После Огня

Олли Вингет

#ONLINE-бестселлерПосле Огня #1

Ее мир давно рассыпался прахом. Священный Огонь превратил цветущие сады в бескрайнюю пустыню, где стараются выжить последние из рода человеческого. Но если зов тянет тебя вперед, а за спиной раскрываются крылья, то разве можно остаться в стороне? Так Алиса начинает свой путь через пески и пепел, чтобы спасти тех, кого она любит. «После Огня» – это история о надежде, бьющейся в крылатом сердце, о вере, которую так трудно сохранить, и любви, что всегда остается сильнее смерти.

Олли Вингет

После Огня

© Олли Вингет, 2016

© Павел Сметанин, фотография на обложке, 2016

© Анастасия Надёжина, модель на обложке, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая

Глава 1

Они летели, то набирая высоту, то стремительно опускаясь прямо в объятия низких грозовых туч. Воздух был пронизан электричеством, буквально напитан им. Потоки потрескивающих искорок взрывались от сильных движений крыльев Алисы, вызывая в памяти странные образы, заставляя мурашки пробегать вдоль спины. Приближалась одна из тех весенних гроз, о которых сотни лет назад писались поэмы другого мира.

– Томас!

Ветер заглушал ее голос.

Но вожак должен все замечать, так говорил закон, а уж закон ее Вожак чтит куда сильнее прочего. На одно короткое мгновение он будто растерялся, оторвав напряженный взгляд от небесной пелены и оглянувшись на девушку. Она не могла видеть его серые с медными крапинками глаза, но отлично представляла, как секундная растерянность сменяется раздражением.

Он говорил Городу: попутчик задержит его в пути, а вылазка провалится из-за мелочи, тем более из-за обузы, пусть она и обладала ловкостью. Была Крылатой.

Алиса махнула в сторону надвигающегося грозового фронта. Иссиня-черные, клубящиеся, будто живые, тучи ползли, обходя их с запада, устрашающе сверкая первыми молниями. Тяжелые от скопившейся влаги, они еще не уронили ни капли, но дождь уже ощущался: на языке появилась противная пленочка, словно в лицо приснули чем-то едким – пока не смертельно, пока предупреждающе. В запасе оставалось еще немного времени, если ветер не усилится, а это могло произойти. Случиться могло все что угодно. Полоумная

бабка Фета рассказывала детям общины сказки старого мира о философах и поэтах, о героях большой войны, об ученых и простаках. Она говорила, что раньше хлеб был мягким, его мазали пастой цвета солнца. И если намазанный хлеб роняли, то он обязательно падал пастой вниз.

– Это был закон подлости, закон хлеба, – говорила Фета и долго смеялась своим кашляющим смехом, захлебываясь и утирая слезы. – Весь наш мир, детки, стал этим куском хлеба, так мне говорила старуха, пережившая Огонь, когда я была такой же глупой и стройненькой, как вы.

«Что за ерунда лезет в голову», – сердито одернула себя Алиса, снижаясь по спирали вслед за Вожак и всматриваясь слезящимися глазами в непроглядную тьму, слегка пахнущую гарью.

Они еще немного покружили, почти касаясь маховыми перьями каменистых выступов, пока не разглядели в темноте небольшую пещеру – углубление в скале, обнажившееся после очередного селя, – и наконец опустили подошвами на камни. Алиса любила этот миг, когда крылья, послушные ее воле, с шорохом опадали, теряли свою упругость, складывались аккуратным горбиком вдоль позвоночника, согревая спину.

Пещера оказалась еще меньше, еще неуютнее, чем можно было представить. Длинною в десяток широких шагов от стены до входа, она внезапно превращалась в маленький уступ посреди отвесной скалы, и ветер завывал в ее углах с утроенной силой.

– Алиса, разожги огонь! Надо осмотреться. – Хриплым от долгого молчания голосом Вожак отдавал обрывистые команды, словно страшась потерять контроль, не заметить опасность в шорохах ветра снаружи.

Кроме прочего, в походном рюкзаке, согласно Закону, нужно держать в пригодном для использования состоянии все необходимое для розжига костра: кремень, трут и кресало. Полоумная Фета рассказывала, что раньше, десятки лет назад, огонь жил в карманах, прятался до поры в маленьких железных коробочках и выскакивал по первому же приглашению, будто живой. Почему-то бабкины рассказы вспоминались Алисе чаще всего именно во время вылазок, среди пепла и гари.

Первая искра вспыхнула спустя пару мгновений. В набор для вылазки входили выданные городом тонкие и липкие нити, их надо было поджечь, чтобы вся пещерка осветилась слабым, но дающим обзор светом. Вожак застыл на уступчике, втягивая носом отчетливо пахнущий гарью тяжелый воздух. Гроза почти началась. Пальцы покалывало, даже тонкие волоски на руках девушки приподнимались, словно песчаные змейки.

Первая вспышка молнии ослепительным росчерком пронзила небо над скалами. Оглушительные раскаты грома множились эхом, дробились на осколки. Дождь хлынул потоком, будто молния вспорола брюхо неба, дав ему возможность излить свои едкие воды на мертвую землю. Струйки, шипя, принялись разъедать камни у ног Вожака, но тот, словно не видя, не чуя опасности, остался неподвижно стоять у входа в пещеру, прикрыв лицо воротом походной куртки. Его фигура отражалась в глазах Алисы с каждой молнией, отпечатывалась на сетчатке с необычайной ясностью. Девушка зажмурилась и досчитала до пяти.

* * *

Слет второй ступени начался ближе к закату. Весь Город гудел как улей, люди перешептывались уже много дней. Каждый имел свое, таимое за пазухой, мнение насчет этого большого, но бессмысленного по сути начинания. Каждый с детства слышал истории о том, как закончится первая ступень возрождения, как поднимутся из пепла дома, как люди выйдут на свет из своих прокопченных нор, как расправят плечи молодые Крылатые и наступит время задуматься о будущем. Вот вернутся первые Вестники, отыскавшие новые земли, плодородные, с чистой водой, может быть, даже с деревьями, высокими, шумящими на ветру густой листвой, – и начнется совсем другая жизнь, достойная выживших после Огня.

Вестник и правда вернулся через три года после торжественного прощания. Один из полусотни улетевших. Одичавший, превратившийся в скелет и успевший состариться за время пути, он принес с собой засохшую веточку и горько расплакался, размазывая слезы по грязным, почерневшим от сажи щекам. Его глухие всхлипы оставили в памяти Алисы тревожный след. Она отчетливо запомнила, как изменился в лице дед, рослый старик, белый как лунь, слеповатый, но крепкий, как плачем на плач ответил в толпе чей-то ребенок, как замерла площадь, полная давно потерявших надежду людей.

Алиса только прошла последний этап своего испытания, и новенький медальон, еще не прижившийся, еще доставляющий неудобство, слегка ныл между ключиц. Крылья давно проросли сквозь спину, а тело почти перестало сопротивляться всем изменениям внутри него. Уверенность в том, что самое страшное теперь ею преодолено навсегда, наполняла девушку пьянящим чувством единения с небом и Братством, а всеобщее возбуждение казалось лишь досадной помехой, мешающей ощутить свою радость сполна.

– Мы... Мы видели землю, – вдруг отчетливо проговорил Вестник. – Далечно. Сотни дней пути под нами были лишь зола и пепел. Огонь пожрал все, что смог найти. Серые Вихри поднимают прах и носят его по миру, как по кладбищу всего живого, дышавшего когда-то. Но далеко есть земля, черная и жирная. Я держал ее в горсти. – Он выбросил сжатый кулак вперед, словно чувствовал комок живой земли между своих пальцев. Каждый, кто стоял на площади, каждый, кто верил и кто не верил во вторую ступень возрождения, – все смотрели на его кулак. – Там растет трава, слабая и редкая, но, если бы ей помогли, она бы набралась силы. И мы... нашли дерево. – Болезненный вдох пронесся над площадью в ответ на его последние слова. – То самое. Крылатое Дерево. Юное, больше похожее на тонкий кустик, но оно там есть. Я принес вам его ветвь, чтобы вы знали: Вестники сгинули не впустую. – Он замолчал и медленно осел на землю, будто последние его силы отняли эти страшные слова. Слова надежды.

Толпа в тот вечер не расходилась, пока не погас последний уголек в общем костре. Всем хотелось повторить слова Вестника, овеществить, наполнить силой. Тогда-то и был назначен слет – первый за многие годы, призванный не только исполнить Закон, но и принять решение. Значимое, настоящее.

Алиса стояла в стороне от толпы, посасывая кончик выбившейся из высокого хвоста пряди, и все не могла понять, что именно она думает о новости, что чувствует сейчас – возбуждение, страх или смятение. Построенное на руинах большого города, их поселение силилось сохранить остатки былого, вдохнуть жизнь в разрушенные дома, отстроить их, отыскать необходимое для существования спасенных людей. Старые ткани рвались по швам, но их любовно сшивали. Нехитрый скарб передавался из поколения в поколение, из рук в руки, будто бы символ прошлой жизни человечества. Пусть столы и стулья были грубо сколочены из трухлявой древесины, чудом пережившей Огонь, но их берегли, словно они были живыми. Пусть глиняная посуда покрывалась трещинами, но в нее наливали похлебку каждому, подошедшему к костру. И дети брали в руки книжки старухи Феты, чтобы разглядывать выцветшие от времени картинки и

знать, какое прошлое было у их народа, какое будущее, возможно, наступит однажды.

Но, прожив так двадцать два года, точно зная свой путь, Алиса вдруг увидела развилку. В толстом своде Закона есть целый раздел, посвященный возможному возрождению. Его учили наравне с остальными частями, криво усмехаясь, уверенные, что эти правила никогда никому не пригодятся.

Разве можно себе представить, что где-то еще растет Крылатое Дерево? Дерево, дарующее людям медальоны, а значит, и крылья. Дерево, чья древесина обладает не меньшим разумом и куда большей силой, чем остальной мир.

Это означало бы, что род человеческий, выживший после Огня и десятков лет возрождения, наконец восстанет из пепла и вернет себе свою землю, воду, судьбу, свои крылья... Это означало бы надежду и жизнь. И это было невозможным.

Но если Вестник не сошел с ума за три года бесплодных скитаний над пустыней праха – значит, скоро Город потребует у Крылатых новых Вестников. И кто знает, кому их них доведется лететь в неизвестность бок о бок с Вожаком, чтобы, скорее всего, никогда уже не вернуться...

– Испугалась, воробушек? – Насмешливый Лин всегда попадал в цель и словом, и стрелой. – Что, если Вожак выберет тебя? Укажет своим длинным пальцем прямо на твою голубиную грудку, схватит, унесет на съедение Вихрям! – Он закашлялся и обхватил девушку своими костлявыми руками. – Не бойся, сестренка, зачем ему такие нежные летуны? Он возьмет кого-то повыносливей, поопытней. А там, глядишь, помрет по пути обратно, и вернусь я с деревом новым Вожаком... Так-то.

– Ты? Думаешь, он тебя выберет, хвостун несчастный? – ухмыльнулась Алиса, не очень-то и стараясь высвободиться из объятий старого друга.

– Я сам вызовусь, – шепнул он, враз посерьезнев. – Добровольцем.

Крылатые собирались на маленькой площадке у ветхого домика Вожака. Обычно шумные и смешливые, в тот раз они притихли, словно дети в ожидании заслуженной взбучки. Переминаясь с ноги на ногу, Алиса грела руки в пушистой

муфте грубой вязки – единственной вещи, которая осталась ей на память о матери. Страшный, раздирающий легкие кашель уносил немало жителей Города каждый год, и с этим ничего нельзя было поделать. Воздух давно наполнился гарью, и ею были вынуждены дышать все выжившие люди; мелкие твердые частицы всего сгоревшего оседали у них внутри, не давая вдохнуть полной грудью без того, чтобы не зайти в тяжелом кашле.

Вожак распахнул дверь и вышел на середину площадки. Крылатые обступили его, каждый пытался понять по глазам, по выражению исчерченного морщинами и шрамами лица, по быстро отведенному взгляду, что же решил Правитель. Будут ли выбраны Вестники, начнется ли ступень поиска того, что не существовало уже много десятков лет? Но Вожак был бесстрастен, как и в любой другой обычный день.

– Старик не поверил Вестнику, – наконец произнес он, смотря вверх голов своего отряда. Шум, вызванный одной этой фразой, Вожак прервал резким движением руки. – Правитель считает, что мы и так неплохо устроились. Здесь есть вода – грязная, серая, засоряющая истоки, но вода. Здесь есть еда – скудная, тяжело дающаяся, не питающая нас как должно, но еда. Здесь есть укрытие, и, хотя оно не спасет нас от серых Вихрей, охотников и падальщиков, зато мы можем забиться в свои норы и сделать вид, что это все, – он широко взмахнул рукой, будто указывая на жалкие лачуги, сооруженные тут и там, – жизнь. Не выживание, не возрождение, а жизнь. Но я не согласен. Мы пьем мутную жижу, а не воду. Мы едим плесневелые грибницы, сухие лепешки и радуемся редкому мясу крыс, но это не пища. Вестник же видел жизнь. Он видел почву, на которой мы вырастим хлеб, он видел воду, которой мы сможем напиться, и он видел Дерево.

Казалось, что тихий голос Вожака проникает внутрь каждого, стоящего среди своих Братьев, его слова отдавались дрожью в медальонах. Умеющий чувствовать опасность и предупреждать о ней хозяина, маленький кусочек таинственного Дерева дарил силу и мощь своему обладателю, дарил ему небо. Врастая корешками в плоть человека, пробиваясь через кости тоненькими веточками, он делал достойного Крылатым, требуя взамен лишь верности крыльям до самой смерти.

Алиса плохо запомнила дни и недели трансформации. Процесс сопровождался постоянной тянущей болью, необъяснимыми всполохами перед глазами и сном, из которого не выйти, от которого не очнуться – пока все не закончится. Пока

Братство не станет твоей единственной семьей, твоим уделом.

Говорили, что в Городе осталось не больше двадцати медальонов, а значит, она и ее Братья пусть и не последние, то уж точно предзнаменующие финал эпохи Крылатых. Если не найдется юное Дерево, то Город лишится своих верных небесных стражей и пропитания уже очень и очень скоро. Каждый стоящий на площади знал это. Вожак знал это. Но поиски могли длиться многие дни и были сопряжены со смертельной опасностью. Сколько их погибнет на этом пути? Пятьдесят Вестников было отправлено в прошлый раз, пятьдесят драгоценных медальонов сгнуло в пустыне. Сколькими еще Крылатыми может позволить себе рискнуть Город?

– Двое. – Вожак чувствовал незадаанный вопрос, повисший между ним и Братством. – Город согласен пожертвовать двумя Крылатыми. Сделать их Вестниками. Отправить их исполнять закон ступени возрождения. Я вызвался лететь на поиски Дерева. Мне не нужен попутчик, но Город настоял. Сами решите, кто это будет. Выберите двоих – одного, кто полетит со мной, и второго, кто станет Вожакom вместо меня.

Чтобы воздух, замерший и сгустившийся от напряженного ожидания десятков людей, взорвался вдруг гомоном Крылатых, понадобилось одно мгновение. Егохватило Вожаку, чтобы развернуться и плотно закрыть за собой дверь.

Глава 2

– Получается, нам нужно выбрать Вожака и смертника? – Долговязый Тод скривил губы, такие тонкие и длинные, что его рот напоминал шрам. – Безумие – предлагать нам сделать выбор. В том-то и смысл Братства, что мы все равны друг перед другом и есть Вожак, который все решает.

– Так давайте выберем Вожака, а он своим первым решением определит того, кто полетит помирать в пустыне!

– Сразу было ясно, ничем хорошим новости нам не аукнутся...

– Ты бы не молот глупости, брат, дай послушать, что люди говорят!

– Так, кто теперь Вожак-то? Эй, народ, кто Вожак?

Голоса в толпе путались, переплетались. Алиса уже не понимала, кто именно говорит, в ушах отдавался стук сердца.

Она ждала волевого решения и была уверена, что приказ Вожака ее не коснется. Кто бы стал выбирать из трех десятков крепких и умелых бойцов ее, только прошедшую испытание, не познавшую толком науку полета? Она и в вылазках-то участвовала всего пару раз, скорее доказывая, что готова закончить обучение, чем выполняя задачи Города. А теперь получалось, что ей самой надо молчаливым согласием или активно высказанным мнением помочь выбрать того, кто погибнет в компании нелюдимого Вожака. Бывшего Вожака.

Между тем Лин уже забрался на старую бочку, которую вытащил на середину площадки, и призывал всех к тишине.

– Орлы, да подождите вы! Подождите. Тихо! Гвен, ну ты же милая девчушка, перестань орать! – Прикрикивая на Братьев и бросаясь в них камешками, Лин наконец угомонил всю толпу, а потом продолжил: – Ничего неожиданного не случилось, Братство может само выбирать себе Вожака. Помните, нам же об этом рассказывали, в Законе так написано. Мы выберем того, кому доверяем. И Вестник станет уже его заботой, не нашей.

Лин спрыгнул с бочки и, отряхнув ладони, подошел к Алисе вплотную.

– Как думаешь, воробушек, неплохая предвыборная речь?

Серые тучи успели полностью затянуть небо над домом Вожака, но Братство так и не решилось сделать выбор. Смущенно отшучиваясь, Крылатые прятали глаза, ни один не решился предложить себя или выдвинуть товарища. Они слишком привыкли к своей незамысловатой иерархии, где Братство виделось им единым организмом. В суровом мире бескрайнего пожарища не было места тщеславию, любой, кто стремился стать выше собрата, отсеивался еще на первых порах испытания. На гордеца, так же, как на слабого духом, просто не стали бы тратить медальона – слишком уж серьезная ноша ложилась на плечи Крылатых, слишком много зависело от каждого из них. Городу требовалась их

самоотверженность, а Крылатым был необходим полет. Даже Лин, который, казалось бы, хотел стать новым Вожаком, лишь косо поглядывал на Братьев, но молчал, сухо кашляя в рукав куртки.

– Это не дело, – отчетливо произнесла наконец одна из девушек, сидевших на валунах чуть в стороне.

И на площадке у дома Вожака сразу воцарилась тишина. Девушке пришлось спуститься с камня и пройти к бочке; она застенчиво теребила кончик длинной рыжей косы, но сказанного было не вернуть.

– Говори, Сильви, а то мы скорей замерзнем, чем разродимся Вожаком! – Лин коротко хохотнул и помог девушке забраться на бочку.

– Крылатые! – начала Сильви и смутилась от того, как громко прозвучало такое обращение. – Нет, ну серьезно, Братья, мы не сможем выбрать себе Вожака. Даже если сейчас мы проголосуем, даже если решим. Будет ли это решение твердым и окончательным, не возникнет ли у каждого в миг опасности мысль, а правильно ли мы поступили? Пусть Вожак... старый Вожак примет решение в последний раз. Или Правитель. Или Вестник...

– Дети. Вы все еще дети. – Внезапно раздавшийся голос заставил Сильвию замолкнуть. Никто не заметил, как Вожак вышел из дома, притворив за собой дверь. На нем была старая походная куртка с высоким воротом, а его длинные с проседью волосы, к удивлению всех Крылатых, оказались коротко острижены, настолько неровно, словно он только что обрезал их ножом, не глядя в зеркало.

«Да и есть ли у него зеркало?» – рассеянно подумала Алиса, наблюдая, как Сильви прыгивает с бочки и, пятясь, отходит в сторону.

– Не можете решить? – Вожак кинул себе под ноги рюкзак, такой же потрепанный, как и его куртка. – Значит, я сам за вас это сделаю. Кто притащил бочку?

В гробовой тишине, нарушаемой лишь тяжелыми вдохами и шумными выдохами замершего Братства, Лин поднял руку.

Смерив его ледяным взглядом, Вожак сказал:

– Плохо. Я слышал твой кашель. Так кашляют мертвецы. Но мне до этого дела уже нет. Подойди сюда, Крылатый.

Криво усмехнувшись, Лин сделал два шага по направлению к центру площадки. Алисе вдруг захотелось схватить друга за руку.

«Мертвецы. Вожак сказал, что так кашляют мертвецы!»

Она понимала, несколько месяцев уже понимала, что обманывается, уверяя себя, мол, кашель Лина – обычное дело. Все в Городе кашляли. Но такой же хрипящий звук, раздающийся из самого нутра, пока человек хватается искривленным судорогой ртом воздух между приступами, она слышала у матери. И отлично знала, что это означает.

Лин был ее самым близким другом. Единственным другом до Братства. Когда он прошел отбор в Крылатые, Алиса долго плакала, обняв его старую подушку. К тому времени она уже несколько лет жила в доме Лина. После смерти ее матери соседка, тетка Шая, забрала к себе малютку Алису и вырастила как свою дочь. Как дочь, о которой она мечтала, пока подрастал худющий сын.

«Зачем он так сказал? Злится на молодого Вожака? Так никто его не смещал! Разве можно повесить клеймо мертвеца на того, кто еще дышит? Хрипит, но дышит», – думала она, нервно теребя в пальцах вязаную муфту.

Вожак никогда не отличался сердечностью, но с такой откровенной жестокостью Алиса еще не сталкивалась. У нее ныло сердце, пока беззаботно улыбающийся Лин под одобрительные возгласы приближался к бочке.

Он встал рядом с Вожаком и протянул ему руку. Тот даже не посмотрел на Лина, выискивая в толпе кого-то своими холодными серыми глазами.

– Кто получил медальон последним? Пусть он выйдет ко мне.

Вопрос Вожака повис в воздухе. Крылатые принялись оглядываться по сторонам, вспоминать, присматриваясь друг к другу. Чье посвящение они праздновали

совсем недавно? Кажется, тогда еще Трой напился и упал в яму с тухлыми грибницами? Или это было в другой раз?

Алиса тоже принялась всматриваться в лица, хотя и не помнила толком ни одно посвящение, кроме своего. Оно и состоялось-то три дюжины дней назад, тогда еще смуглый парень раздавил собой с пяток городских грибниц, провалившись в яму, вот смеху-то было.

Когда люди вокруг Алисы расступились, заключая ее в кольцо, она не сразу сообразила, что происходит. Но приказ для Крылатых оставался приказом. Кто-то осторожно взял ее за локоть и повел через расступающихся Братьев прямо в центр площадки, где, вцепившись в бочку побелевшими пальцами, стоял Лин, не сводя с нее испуганных глаз.

То, что было дальше, плохо запомнилось девушке. Братья шумели, кричали о своем несогласии, и даже резкие взмахи рук Вожака, до этой минуты заставлявшие всех подчиняться, не могли унять их возмущение.

– Я принял решение, – объявил он. – Ты иди со мной, – и взглянул на Алису, – а ты, – теперь его холодные глаза впились в Лина, – прикажи Братству замолчать. Завтра старик объяснит тебе правила. Надеюсь, ты протянешь дольше, чем мне кажется.

Он схватил Алису чуть выше локтя и повел сквозь бушующую толпу, все дальше от Лина, который, кажется, не мог произнести ни единого слова и только смотрел на две удаляющиеся фигуры – черные на сером фоне, живые – на мертвом.

* * *

– Завтра на рассвете мы улетаем, Вестник дал мне карту. От тебя я не жду никаких вопросов, предложений, уточнений, вообще лучше не разговаривать. Прочитай в Законе о ступени возрождения, если тебе что-то непонятно. Ты уже участвовала в вылазках?

Старый Вожак говорил ровным, тихим голосом, идя вперед мерным шагом.

Алиса не могла сосредоточиться, принять реальность произошедшего. Еще минуту назад она стояла в теплом кругу, среди Братьев, смотрела на своего старого друга Лина, который теперь новый Вожак. А сейчас ее тащит куда-то, схватив сильной рукой, человек, настойчиво требующий от нее ответа.

- Крылатая, я задал тебе вопрос. Ты участвовала в вылазках?

- Да... дважды. - Алиса не узнала собственный голос - севший, будто она больна, он задрожал и сорвался, - и ей вдруг показалось, что горло стиснула когтистая лапа. - К горам, забирали груз. И за водой. Я летала за водой в паре.

- И никаких длительных полетов, ну, разумеется. - Вожак невесело хмыкнул, нагнав на девушку еще больший страх. - Завтра. На рассвете. У Черты. Рюкзак, одежда - согласно Закону. Никаких милых сердцу безделушек, мягких подушек и зеркалец. Ничего лишнего. Ты меня поняла?

- У меня нет мягких подушек, - как-то уж слишком зло вырвалось у Алисы.

- Замечательно. Надеюсь, вопросов у тебя тоже нет. - Цепкая рука наконец разжалась, и девушка осознала, что Вожак привел ее к порогу дома, где они с Лином прожили много лет.

В освещенном окошке было видно, как тетка Шая готовит незатейливый ужин. Алиса вдохнула запах дома, который завтра на рассвете покинет навсегда.

- Есть, - проговорила она, с трудом разомкнув враз пересохшие губы.

- Что есть? - Оказалось, Вожак уже успел отойти на десяток шагов.

- Вопрос. Как мне вас называть? Вы же теперь... не Вожак.

Мужчина, лица которого Алиса уже не могла видеть из-за сгустившейся темноты, замер на мгновение, а потом проговорил:

- Томас. Меня зовут Томас. - Собственное имя он произнес так, будто отвык от него, будто оно доставляло ему странную, необъяснимую боль.

Глава 3

Тетка Шая ахнула и опустилась на скамейку, когда девочка, ее любимая девочка, вышла от дверей в свет. «На ней просто лица не было, иначе не скажешь», – потом говорила она соседям, сглатывая подступавшие к горлу слезы.

И правда, Алиса была слишком бледной и смотрела на тетку совершенно безумными глазами, полными какого-то невозможного, звериного ужаса.

– Деточка, да что это ты? – ахнула та, протягивая к Алисе свои натруженные руки. – Где Лин? Он тебя обидел, паршивец?

– Нет. Все хорошо. Он теперь Вожак, тетя. Лин – Вожак Крылатых. – Девушка присела на край лежанки у входа, разглаживая руками складки покрывала.

– Вожак? – Шая села рядом и попыталась обнять Алису, но та отшатнулась, а потом глухо всхлипнула. – Так это ж хорошо! Паек увеличат, дом свой дадут. Глядишь, женится еще гуляка наш. Лиса, с тобой-то что?

Входная дверь распахнулась, заставив тетку прерваться, и в дом вместе с горьким холодным воздухом ворвался Лин. Всклопоченный, с красными пятнами на щеках, он опустился на корточки напротив Алисы, схватил ее безжизненно упавшие руки и долго смотрел в пол, не решаясь встретиться с ней глазами.

– Я пытался их переубедить, – наконец заговорил он. – Я пошел к Правителю, предлагал себя на твое место... – Слова давались ему с явным трудом. Он закашлялся, вытер губы нервным движением плеча. – Мне сказали, что... дело решенное. Чтобы я не лез. Чтобы завтра пришел за пайком, мне подскажут, что делать с Братством... Это глупость какая-то! Как можно посылать с этим сумасшедшим неизвестно куда... тебя? Ты же... Пресвятые Крылатые, ты же... девочка еще! – Он снова зашелся в кашле и замолчал, чтобы успокоить приступ.

– Куда это посылать? – подозрительно поглядывая на них, спросила Шая. – С каким сумасшедшим? О чем он, деточка? Ох, да выпей воды наконец, Лин! Или я

отведу тебя в лазарет.

Она подскочила, налила очищенной воды в треснутый с краю стакан и поднесла к губам сына. Шая давно понимала, к чему ведет этот сухой кашель, сотрясающий их дом каждую ночь. Но заставить Крылатого лечь в лазарет, лишив его крыльев, было невозможно, да и, честно говоря, бессмысленно. От такой хвори не нашлось еще лечения.

– Меня отправляют Вестником, – сказала Алиса, выпрямляя спину. – Завтра я улетаю с Вожа... бывшим Вожаком. – Ей отчего-то не хотелось произносить имя, услышанное во тьме двора. – Мы летим на поиски Дерева, тетя. Я постараюсь вернуться, а пока Лин будет тебе во всем помогать.

Шая медленно поднялась на ноги. У ее милой девочки дрожали губы, но Алиса старательно делала вид, будто говорит об очередной вылазке к горе. Растрепанные русые волосы спадали на лоб, на грязных от пыли щеках виднелись две дорожки от слез, что текли и текли из широко раскрытых глаз. Ее милая девочка, ее смелая девочка.

– Не позволю! – Тетка решительно направилась к двери. – Я пойду к старику, я пойду к его советникам. Они не смеют посылать туда ребенка. На поиски несуществующего. Мы должны думать о том, что имеем. Ты должна расти здесь, выйти замуж и рожать детей, чтобы они отстроили новые города. Только в этом и есть смысл. А не в поисках Дерева. Пусть бы все их деревья сгорели – мне плевать. Я пойду и не позволю им...

И, не слушая слабых возражений Алисы, Шая выскочила за дверь. На печи, шипя, подгорал ужин. Город за окном мирно спал. Молодой Вожак смотрел на огонь в очаге, крепко держа за руку нового Вестника.

– Прости меня, воробушек, – глухо, словно издалека, проговорил Лин, не глядя Алисе в глаза.

Он никогда ничего не боялся так сильно, как сейчас, увидеть в ответном взгляде злость – подтверждение своей вины. Ему все казалось, что он недостаточно громко кричал, не слишком разумно доказывал. Надо было вытрясти всю душу из старого Вожака, сбить его с ног, крикнуть ему в лицо, что даже мертвецом он может утащить за собой в могилу любого. Особенно за своих. Особенно за Алису.

Крылатая вздрогнула, словно очнулась, словно стряхнула оцепенение, заставившее ее застыть.

– Да ведь ты не виноват ни в чем, Лин, глупый... Ты не виноват. Это они решили. Представляю, какой крик поднялся в Городе, когда ты туда залетел. – Она взъерошила его волосы цвета спелой ржи с картинок старой Феты. – Ты теперь Вожак, с ума сойти!

Он слегка качнул головой и осторожно, чтобы не раскашляться, выдохнул.

– Да какой я Вожак, завтра же откажусь.

– Не смей! Шае нужен этот паек, она сможет помогать соседям, переселитесь из этих трущоб в центр. Говорят, там вода чище. Да и Братство. Ты сделаешь их жизнь лучше. Ты отважный, ты мудрый, ты добрый... – Алиса все пропускала пряди между пальцев, не замечая, что слезы все так же катятся по ее щекам.

Стараясь, чтобы Лин не заметил, она подняла руку, желая рукавом стереть их с лица, но парень наконец посмотрел на нее, замер на мгновение и обнял ее за хрупкие, как у подростка, плечи. Уткнувшись в старую, поношенную куртку Крылатого, Алиса дала волю слезам, оплакивая каждый день, который могла бы провести, но уже не проведет в этом маленьком родном домике, в кругу Братьев, готовых защитить ее от любой напасти, уберечь от всего, кроме решения Вожака.

Они еще посидели так, медленно раскачиваясь, словно баюкая друг друга, пока слезы не кончились. Алиса слегка отстранилась и почувяла, что обычный запах гари мешается с горьким запахом сгоревшего ужина.

– Вот же растяпы! – Девушка метнулась к печи, обернула тряпкой ручку старой кастрюли и сняла ее с огня. – Чем теперь будем ужинать? Тут все пайки. Тетка расстаралась, такое рагу, наверное, даже с кусочком мяса...

Лин подошел к Алисе сзади, крепко прижал к себе и зашептал ей в затылок:

– Я не могу тебя отпустить. Когда он меня подозвал, я шел и думал, что мне теперь дадут дом. Что мы с тобой сможем туда переселиться, попробовать

быть... Я не знаю. Вместе? Так это называется? Получили бы разрешение в Городе. Я даже и не понял сразу, что Вожак выбрал тебя, стоял там, как идиот. Да я до сих пор этого не осознал. Зачем ему ты? Я выбью из него ответ. Он тебя не заберет... Он не посмеет, я клянусь. Я пойду вместо тебя.

Алиса слушала этот жаркий шепот, не пытаясь обернуться. На секунду она позволила себе представить, как смущенный Лин предлагает ей переселиться в дом Вожака вместе. Как заохала бы Шая и как одобрительно присвистнули бы в Братстве, узнав об этом. Наверное, и в Городе не были бы против. Наверное, она бы и сама не возражала. Сердце часто екало, когда Лин обнимал ее, дурачась. Так же оно замирает, когдаходишь в пике во время полета. И Алиса догадывалась, что это значит. Они всегда были бы рядом, все это было бы так правильно и хорошо – и внезапно стало так желанно. Но Закон гласит: Крылатые не обсуждают приказ Вожака, не оспаривают приказ Вожака, исполняют приказ Вожака.

Она повернулась к Лину, приподнялась на цыпочки так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и со всей уверенностью, что нашла в себе, сказала:

– Ты не станешь этого делать, Лин. Ты – Крылатый. Ты – Вожак Братства. Завтра я поступлю так, как должна. Ты останешься, чтобы быть предводителем отряда, чтобы Город жил, чтобы бабка Фета жила и тетя Шая, чтобы соседским малышам было что есть. Тебя некому заменить. Ты нужен Городу и Братству. Обещай мне это, Лин, иначе я уйду сейчас. И мы даже не простимся.

Он долго смотрел на нее, не двигаясь, не дыша. Его темные глаза будто стали еще темнее, словно он уже сгорал в предсмертном огне. Алиса не отвела взгляда, не потупилась, не отступилась. Она верила в каждое слово, которое только что произнесла. Наконец Лин выдохнул:

– Обещаю.

И вот тогда она его поцеловала.

* * *

Шая долго стояла у двери большого дома Правителя, высившегося на застроенной лачугами площадке посреди скал. У входа в дом, где принимались решения, от которых зависела жизнь каждого, кто влачил жалкое существование в сожженном мире.

В памяти Города сохранился тот день, когда теперешний старик, а тогда молодой мужчина с волосами цвета воронова крыла, встал посреди площади и поклонился жителям. Правителя выбирали голосованием, бросая в чаши камушки: люди длинной вереницей шли выбирать одного из пяти главных, чтобы он стал самым главным. Шае было тогда не больше десяти, она крепко держала мать за руку и все ждала, когда их камушек стукнется о край чаши. В девочке виделась особая сила события, значимость того, что решение принимают они.

С тех пор никто не помолодел. Мать ее умерла от кашля в год, когда Шая вышла за Мерла; его самого лихорадка забрала через пару лет. А Правитель стал стариком. Жизнь плела паутинку лет удачных и неудачных. Город растил Крылатых, старик пожимал каждому новому воину ладонь и отправлял его на поиски пищи, воды и веры в будущую жизнь.

Шая уже и не помнила, когда видела Правителя. Последние годы его во всем заменяли советники, точно муравьи, шнырявшие из покоев в Город и обратно. Но в жизни, налаженной за столько времени, не случилось сбоев, так что и жаловаться мыслей ни у кого не возникало.

До сегодняшнего дня Шая тоже ни о чем таком не задумывалась. Живет ли в просторных покоях их Правитель, или он уже похоронен в какой-нибудь нише – это не столь важно, главное – ей есть чем кормить деток. Но теперь Город решил отобрать у нее половину сердца, и женщина, побуждаемая гневом вперемешку с нечеловеческим страхом за девочку, стучала и стучала в тяжелую дверь.

Наконец дверь приоткрылась, выпуская тонкую полоску света, и шелестящий голос советника произнес:

– Правитель устал. Он не принимает так поздно. Вы можете рассказать о своей нужде нам. А мы передадим ему на рассвете.

– На рассвете будет поздно, Огонь вас дерит! – закричала Шая. – Мою девочку сделали Вестником! Ей двадцать два! Она еще ребенок. Она вырастет и подарит Городу сильных сыновей. А полоумный Вожак приказал ей завтра лететь с ним на верную гибель! – Она надрывала горло, уже сомневаясь в успехе.

– Нам жаль, но решение Крылатыми принято. Таков Закон. Доброй ночи.

Дверь затворилась, и Шая снова принялась стучать, чувствуя с каждым ударом, как ее покидают силы. Сколько уже она колотит, думалось ей, час, два? Бессмысленность усилий все больше подтачивала ее уверенность, но ведь девочка отправится на смерть в пустыню, если она не дозовется старика, говорила себе Шая. И это не давало ей опустить руки, перестать биться в дверь, которую больше не открывали, как бы она ни бранилась, ни умоляла.

Шая вернулась домой за пару часов до рассвета. Отбитые руки гудели, а эхо собственного голоса отдавалось тупой болью в висках. Она решила, что вцепится в лицо Вожаку, если тот только попробует приблизиться к Алисе, и пусть Закон вершится над ней потом, но забрать девочку в Вестники она не даст.

Отворив дверь, Шая сначала заметила на столе кастрюльку с ручкой, небрежно обернутой тряпкой. И лишь потом ее взгляд упал на лежанку в углу.

Лин спал у стены, одной рукой прижимая к себе Алису, а вторую закинув себе за голову. На его по-детски спокойном лице не отражались печали прошлых и будущих дней. Алиса спала, прильнув к его груди и прикрываясь тонким одеялом. Положив под щеку ладонь, она во сне сжимала локоть Лина, будто опасаясь, что тот исчезнет. Шая никогда не видела ее крыльев, но сейчас они, втянутые в спину, выделялись на фоне светлой кожи небольшими бугорками, и женщине подумалось на миг, что она просто свидетель крепкого сна ее детей, что впереди их ждет счастье, которое если что и омрачит, так только редкие переживания да простуда.

Она замерла на пороге, когда Лин вдруг открыл глаза и посмотрел на нее будто бы с вызовом, еще крепче прижимая к себе спящую девушку. Шая улыбнулась сыну, покачала головой и пошла себе. До рассвета у них еще было время.

Глава 4

Алисе снилось, что перед ней раскинулось бескрайнее море, будто кто-то уронил у ее ног синее полотно и оно развернулось до самого горизонта. Она никогда не видела моря. Старая Фета, шамкая беззубым ртом, часто рассказывала, как прохладны бывали воды, как шумели волны, накатывая на берег и отбегая, накатывая и отбегая, и что смотреть на это можно было часами. Как воздух пах солью, как соленая морская вода, попадая в рот, горчила на языке, но не той мерзкой горечью, какой полнится воздух, которым сейчас дышат люди. То была живительная горечь простора и воды. Эти слова приходили во снах яркими образами, даже в бреду трансформации Алиса видела морскую гладь и волны, бегущие по ней наперегонки.

Она проснулась резко, словно что-то толкнуло ее в грудь: сердце пропустило удар и тревожно забилось. Алисе понадобилась пара мгновений, чтобы понять, где она находится. Лин спал, отвернувшись к стене. От него пахло теплом сонного человека.

Вчера она прижалась губами к его сухим губам, желая закрепить клятву, сделать ее непреложной. Но когда Лин ответил на поцелуй, ей ничего не осталось, как закрыть глаза и шагнуть вперед. Так падают со скалы во время Испытания: наставник просто толкает юнца, стоящего на краю, внезапно и резко, чтобы тот почувствовал весь ужас падения и всю неопишемую сладость мгновения, когда крылья вдруг распахиваются за спиной, а медальон нагревается, раскачиваясь в такт мерным взмахам.

Алиса знала, что крылья не дадут ей разбиться: какой бы высокой ни была скала, каким бы долгим ни оказалось падение – страх обязательно сменится восторгом. Но вчерашний страх не смогло исцелить, утолить его, лишить значимости ничто, кроме губ Лина, который покрыл ее тело нежными поцелуями.

Уже проваливаясь в сон, она чувствовала на себе его ладони, будто Лин силился запомнить ее, запечатлеть в памяти вот такой – обнаженной, кутающейся в тонкое одеяло на его лежанке, где они еще детьми болтали дотемна, читали потрепанные книжки и дрались за единственного игрушечного солдатика. А теперь Крылатый спал, и его отросшие волосы путались на подушке с ее волосами.

Алиса потянулась к Лину рукой и провела пальцами вдоль его спины. Крылья прятались где-то там, внутри. Никто не мог сказать точно, что делает с человеком Дерево. Как медальон вырастает в тело, как меняет его, как дарует крылья, ломая кости, обрастая плотью. Алиса никогда не задумывалась, остаются ли Крылатые людьми после всех испытаний и недель забытья лихорадки? Но в этот самый миг она чувствовала себя человеком явственнее, чем когда-либо.

Ей хотелось прижаться к надежной спине Лина, уткнуться носом ему в плечо, вдохнуть запах теплого мужского тела и заснуть снова крепко, спокойно. И засыпать так, рядом с ним, еще много лет.

«Я бы отдала за это крылья», – подумала она.

Но темное небо уже светлело на горизонте, а значит, времени на мечты больше не осталось. Алиса осторожно прикоснулась к плечу Лина губами, зажмурилась, чтобы не позволить слезам разбудить спящего, и решительно опустила ноги на холодный каменный пол.

В рюкзаке, согласно Закону о второй ступени, должны были находиться все самые нужные на вылазке вещи: тонкие нити для розжига костра, спальник, ручной арбалет, из которого Алиса так и не научилась толком стрелять, пачка растворимых пайков, фляжка с очищенной водой. Однако ничего из этого не спасло бы жизнь Крылатого при встрече с серым Вихрем.

Алиса еще не успела разобрать походную сумку, так что ей оставалось лишь перебрать и уложить в рюкзак все необходимое. С чувством злорадного удовлетворения она сунула туда же и старую вязаную муфту.

«Никаких личных вещей, говорите. А что вы мне сделаете? В пустыню сошлете?» – усмехнулась она, натягивая тяжелые ботинки.

Как бы ни старалась Крылатая собраться беззвучно, Лин, приученный спать чутко, услышал шорохи. Он вскочил, судорожно вспоминая, что несет им начинающийся день. Сил спорить в нем не осталось, потому он осторожно подошел к дверям, прислонился к косяку и замер, наблюдая за Алисой. Бледная, растрепанная, она упаковывала свой огромный, не по размеру плеч рюкзак, шнуровала грязные боты, что-то шепча себе под нос. Лину вдруг вспомнились

тонконогие девушки с картинок в старых книжках Феты: они в красивых платьях и туфельках на каблуках гуляли по дорожкам зеленых парков. Алиса никогда не надевала платья, такой одежды просто не существовало в мире Огня и сажи так же, как чистой воды или зелени, как Крылатого Дерева, на поиски которого его девочка так решительно собиралась.

Алиса не глядя протянула руку в сторону двери, возле которой висела ее легкая курточка, но пальцы наткнулись на плотную кожу и тяжелые пряжки. Обернувшись, она увидела, что Лин стоит босой у двери, протягивая ей свою куртку. Большую и надежную, одну из тех, какие давались Городом лишь самым опытным и бывалым из Крылатых.

- Бери, - хрипло сказал он, понизив голос, чтобы не разбудить Шаю. Это были его первые слова после клятвы, которую он принес. Ночью они не произнесли ни слова, будто боясь спугнуть то, что происходило между ними. - Она тебе пригодится. Теплая, не порвется. Бери.

- Тебя накажут. - Алиса силилась не смотреть ему в глаза.

Покашливая, Лин подошел к ней и набросил на плечи Крылатой куртку, прямо поверх свободной рубахи из плотной, затертой ткани. - Пусть она хотя бы тебя защитит.

Они немного постояли, неловко переминаясь, не зная, куда смотреть, куда деть руки, что сказать. Но небо у горизонта было уже предательски светлым.

- Мне пора, - наконец выдавила Алиса, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Ты не ходи за мной, пожалуйста. И Шае передай, что я... очень люблю ее. Я очень люблю вас с ней. И благодарна за все... Без вас я бы... - Она запнулась и уже не могла продолжить - лишь пыталась сдержать, не выпустить наружу рвущийся из груди хриплый вой.

Лин слушал ее, слегка склонив голову набок, волосы закрывали половину его лица, и Алиса не могла понять, что он чувствует.

Возможно, у него внутри сейчас рухнет целый мир? А может, Лин даже рад, что она уходит, испытывает облегчение? Алиса не знала, что было бы лучше. Лучше для них обоих.

Она уже сделала шаг в сторону двери, когда Лин взял ее лицо в свои ладони, стирая большими пальцами слезы, все-таки упавшие с ресниц. Он просто смотрел на Алису, глаза в глаза, и ничего не говорил. А потом, мягко поцеловав в висок, отпустил и помог ей вынести рюкзак наружу.

Рассвет уже почти занялся, у Алисы оставалось всего несколько минут, чтобы добежать до Черты, но она все медлила, держась холодными пальцами за руку Лина.

- Береги Шаю, очень тебя прошу, - выдохнула она, отпуская его ладонь. - И себя береги.

Лин качнул головой, на секунду прижавшись губами к ее щеке. Они коротко обнялись, и Алиса, не видя дороги из-за подступающих слез, быстро зашагала по тропинке прочь от дома. За спиной у нее раздался рвущий грудь кашель, но она заставила себя не обернуться.

* * *

Город еще спал, когда Алиса пронеслась по его улицам, не замедляя шага, до самой Черты. Высокую фигуру Вожака она увидела еще на подходе к границе: мужчина сидел у большого камня, читая потрепанную книжицу в кожаной обложке. Он услышал шаги на расстоянии, повернул голову в ее сторону и спокойно наблюдал, как она приближается по слепым улицам Города.

- Ты опоздала, - недовольно процедил он вместо приветствия, - давно рассвело.

- А разве нас где-то ждут? - в тон ему сказала Алиса, переводя дух.

Ответа не последовало. Вожак стоял у самой Черты, которой обрывалась их небольшая площадка. Край крутого уступа служил для Крылатых отправным пунктом при любой вылазке. Чтобы крылья распустились за спиной, необходимо было свободное падение. В какой-то момент срабатывали инстинкты, им подчинялось тело, многократно измененное медальоном: крылья выпускались из заточения, распахивались во всю ширь и спасали от неминуемой гибели.

Вожак, не оглядываясь на Алису, постоял немного, балансируя на самом краю Черты, а потом шагнул вниз. Алиса знала, что через мгновение он появится, стремительно взлетая в небо, но у нее всегда захватывало дух от чужих падений даже сильнее, чем от собственного взлета.

И правда, Вожак уже летел. Он, казалось, родился с пегими крыльями за спиной, он сам был этими крыльями. Поджарый, почти седой Томас летел, не глядя по сторонам. Делая сильные взмахи, мужчина поднялся высоко в небо, а после принялся свободно планировать в потоках утреннего воздуха. Алиса засмотрелась на него, как смотрят на дикого, неведомого зверя. С опаской, с восхищением. Он был настоящим Крылатым, пусть уже и не Вожаком.

Спохватившись и подумав, как глупо, наверное, она выглядит сейчас, девушка задержала дыхание и шагнула в пустоту. Ужас падения охватил ее в тот же миг, стиснул нутро, надавил на грудь, но вот крылья завозились маленькими зверьками и, четко попадая в прорези походной куртки, распрямились у нее за спиной, подхватили и понесли вверх.

Ни с чем не сравнимый восторг наполнил ее тело, согревая от пят до самой макушки, – и вот она уже летит в первых лучах солнца, стараясь нагнать стремительно удаляющегося Вожака.

* * *

Шая резко открыла глаза, как только солнце ударило в окно комнаты. Усталость вчерашнего дня и почти целой ночи на ногах сморили ее, и, погрузившись в глубокий сон, она не услышала, как выскользнула из дома Алиса. Не обняла девочку в последний раз, не сказала что-нибудь, что дало бы ей силы пройти бессмысленный, невозможный путь до конца.

Шая опустила ноги с низкой лежанки и осталась сидеть, опершись спиной на каменную стену. Ей было шестьдесят восемь, и под левой ее грудью росла шишка, что была уже размером с кулак ребенка.

«Даже если Алиса выживет и вернется, – подумала Шая, – вряд ли я смогу встретить ее в дверях».

С другой стороны стены, в той же позе, прислонившись голой спиной к холодной кладке, Лин сдерживал кашель. Внутри него словно поселился зверь, который ворочался в груди и стискивал горло, не давая вдохнуть без хрипа.

Ночью Лин боялся, что его скрутит судорожный кашель, когда он целовал нежную, тонкую кожу Алисы, гладил ее узкую спину ладонями, то поднимаясь, то опускаясь над ней. Он боялся, что чудовище, живущее у него в груди, не подарит им целую ночь, первую и в то же время последнюю. Но зверь сжалился, отдавая ему в долг несколько часов почти свободного дыхания.

Утром Лин уже не чувствовал свободы внутри, привычными хрипами сопровождалось каждое движение; ему хотелось сказать Алисе тысячи слов, которые он давно копил в себе, но сил хватило лишь на несколько коротких фраз. Он мечтал снова почувствовать вкус ее губ на своих губах, но не решился прикоснуться к ним: три дня назад он первый раз заметил кровь на ладони, когда отирал лицо после очередного приступа.

«Даже если Алиса выживет и вернется, – с горькой усмешкой подумал он, – вряд ли я смогу встретить ее в дверях».

Глава 5

Пустыня тянулась до самого горизонта. Глазу путника просто не за что было уцепиться: ровная темно-серая, бурая, ржавая плоть земли воплощала собой смерть всего живого. Зола вперемешку с пылью давно уже стала плотной коркой. Огонь, бушевавший тут сотню лет назад, пожрал все, до чего смогли дотянуться его жадные языки.

Если в Городе кто-то осмеливался говорить об Огне, то казалось, что воздух нагревался рядом с рассказчиком. Никто не знал, почему некогда полные жизни земли вдруг вспыхнули, чтобы гореть дни и ночи. Никто не знал, как получилось выжить в огненном кольце остатку человеческого рода и есть ли другие Города. Почему Огонь отступил, что спугнуло его, что насытило. Никто не знал, вернется ли Огонь, чтобы закончить начатое.

Алиса уже потеряла счет времени их полета, Вожак задавал выматывающий ритм, двигаясь так уверенно в одном направлении, будто впереди был видимый только ему ориентир. От земли тут и там поднимались небольшие пыльные вихри, на зубах у девушки скрипел то ли песок, то ли прах, пробивающийся даже через ткань повязки, плотно прилегающей к лицу. Небо казалось ей нарисованной кем-то унылой картиной.

В детстве пустыня представлялась Алисе загадочным местом вечных приключений. Ей думалось, что именно там протекает настоящая жизнь. Что Город – лишь подобие невероятного, жуткого, но пленительного мира, скрывающегося внизу, за Чертой.

Алиса так лихорадочно ждала своей первой вылазки. Сон не приходил к ней всю ночь накануне, она ворочалась в постели, пока Лин не бросил в нее подушку через всю комнату, проворчав, что либо у нее песчаные блохи, либо она самая спятившая из Крылатых, которую он знает.

В пару тогда ей поставили Дейва – болтливого коротыша с неестественно большими ладонями. Пока он возился с ремнями своего рюкзака, которые нужно было как следует затянуть на плечах и груди, чтобы груз не мешал крыльям во время полета, Алиса буквально не могла отвести взгляд от его рук: ей казалось, что эти крупные пальцы просто не сумеют справиться с креплениями. Но Дейв оказался ловчее, чем она думала, и поднял голову до того, как девушка успела отвести глаза.

– Волнуешься небось, а? – Он громогласно захохотал и похлопал ее по спине огромной пятерней.

Алисе пришлось сделать пару быстрых шагов вперед, чтобы не потерять равновесие, но этот смех, этот сильный голос и увесистый шлепок чудесным образом придали ей смелости. В тот день они с Дейвом доставили груз к горе, где трудились каменщики, и сделали широкий круг над пустыней. Алиса ничего особенного не разглядела и не ощутила. Все та же серость, редкие пылевые вихри да отчетливый привкус горелой резины во рту. И сейчас, пролетая над землей так далеко от дома, она не замечала ничего нового.

«Неужели весь мир такой – серый, грязный, мертвый? И не найти в нем ничего, что хоть чуточку больше похоже на жизнь?» – думала она, пока пустыня

сменялась пустыней, а скалы впереди надвигались на них, подчиняясь мерному взмаху крыльев.

К полудню они достигли первой гряды. Город держал несколько отрядов Крылатых в отдалении, и этот был последним. Дежурства здесь вели самые опытные разведчики, те, кто не раз вступал в бой с падальщиками. Эти твари рыскали вокруг Города, разоряя грибные ямы, вытаптывая жалкие посевы на клочках земли, которые получалось возделывать. Похожие на гигантских ящериц, они ползли, перебирая короткими лапами с толстыми когтями, пытаясь утолить свой голод всем, что попадетсся им на пути, будь то крыса или Крылатый, неудачно приземлившись в пустыне. Выжить в царстве золы и праха смогли только самые неприхотливые и опасные твари. Падальщики умели обходиться без воды месяцами, мясо их было смертельно ядовитым, раны, нанесенные ими, долго потом гноились, а после того, как заживали, на коже оставались уродливые рубцы и шрамы.

Алиса не рассмотрела, кто дежурил на гряде в этот раз, но все равно помахала рукой двум одиноким фигуркам, вышедшим из небольшого домика у скалы, чтобы проводить их взглядом. Мысль, что это, скорее всего, последние Братья, которых она видит в своей жизни, нагнала ее позже, когда и гряда, и Крылатые давно скрылись за горизонтом.

Тоска по дому подбиралась к ней осторожно, пока еще облегчаемая новизной дальнего полета, но уже покалывала сердце, обещая стать невыносимой совсем скоро. Алиса прогоняла мысли о Лине, стоящем у дверей их дома, Лине, который захлебывался кашлем, когда она уходила к Черте.

Последние пять лет Алиса провела, изучая Закон, она хотела быть Крылатой каждой клеточкой своего тела, каждая мысль ее была о небе и крыльях. Как же отчаянно молила она Святую Рошу в утро отбора новичков, как же старалась придать себе уверенный вид в дни испытания! Даже боль, сопровождающая трансформацию, была для нее желанной. И вот сейчас, точно зная, что для Крылатых не бывает иного пути, кроме исполнения приказа, она отчего-то думала, что все происходящее с ней – ошибка.

Весь этот долгий путь с единственной целью – проверить, не сошел ли с ума Вестник, не плод ли его воспаленного разума далекий оазис и молодое Крылатое Дерево посреди него, – ошибка. Даже мысль об этом была ужасным предательством, недостойным Крылатого, но Алиса не могла с собой ничего

поделать. А Вожак, будто не чувствуя ее терзаний, продолжал лететь вперед не оглядываясь, не проверяя, следует ли за ним его спутница. Или, может быть, она уже вернулась в Город, чтобы быть изгнанной из Братства? Изгнанной из мира живых?

Первый раз они приземлились на кособоком взгорье, когда солнце миновало зенит. Дюны дышали жаром Алисе в лицо, она знала, что пройдет всего пара часов, и раскаленный песок остынет, чтобы к ночи покрыться серебристой изморозью и застыть. Немыслимая жара дня в пустыне всегда сменялась жестоким холодом ночи. Хилые костерки, которые разводили Крылатые во время вылазок, плохо согревали, часто разведчики возвращались в Город со страшной простудой, иногда их не удавалось спасти. Казалось, что мир испытывает выживших на излом, все сильнее надавливая: получается стерпеть полуденный зной? Так вот вам пробирающий до костей холод. Но пока Алиса, отирая со лба пот, набегающий на глаза, просто не могла представить, как эти раскаленные песчаные волны сковывает ночной морозец.

Вожак присел в тени валуна, достал из рюкзака фляжку и принялся пить воду маленькими глотками, осматриваясь, словно надеясь заметить в пустыне, в глубине которой они оказались, хоть что-то еще, кроме грязного песка и праха.

- Вестник ведь дал вам карту... - Алиса потопталась рядом и тоже присела.

- Да, - проронил Вожак между двумя короткими глотками.

- И... далеко нам еще лететь? - Молчание притягивало мысли о доме, которые Алиса не могла себе позволить.

- Да.

- Неделю? Месяц? Сколько?

Ответить односложно на такой вопрос было бы откровенной грубостью, но Вожак не посчитал нужным сказать в ответ вообще хоть что-нибудь.

Он пружинисто поднялся на ноги, разминая плечи мягкими круговыми движениями. Высокое чистое небо раскинулось над ними.

– К вечеру будет гроза, – сказал Вожак, втягивая воздух носом.

Алисе показалось, что она ослышалась. Грозами пугали молодых Крылатых с первых дней испытания. Тяжелые тучи несли в себе отравленную воду. Так же, как плоть падалщика, она содержала яд, разъедающий кожу, песок и камни. А молнии били в песок и разрывали воздух оглушительным грохотом. Большие грозы редко достигали Города, они успевали пролиться и отгреметь за грядой. Именно там, где сейчас, вытянув ноги, сидела уставшая Алиса.

– Нам нужно улететь дальше. Может быть, получится обогнуть грозовой фронт. – Вожак будто говорил сам с собой, не оборачиваясь к девушке.

Ей отчего-то думалось, что он избегает ее взгляда. Но мысль о том, что Вожак может испытывать вину за выбор спутника, была смехотворной. Мужчина представлялся Алисе таким же каменным, как горы, которые их окружали. Он словно состоял из букв Закона, каждое его движение было прописано в ступени возрождения. Но не взгляд, который он старательно отводил в сторону, обращаясь к ней. Алиса подхватила рюкзак и встала перед ним.

– Я постараюсь не отстать от вас... – Она замялась, но, сделав над собой усилие, продолжила: – Томас, я не отстану от вас. Меньше всего хотелось бы попасть в грозу.

Услышав свое имя, Вожак все-таки поднял на нее глаза. Медные искорки на сером полотне – вот как они выглядели.

– Гроза – не самое страшное из того, с чем мы здесь встретимся, Крылатая. Но все-таки поспеши.

Не беря разгона, он шагнул в сторону обрыва и взлетел, хотя высота падения оказалась до смешного маленькой. Алиса никогда еще не распускала крылья за секунду свободного полета вниз, но медальон ободряюще теплел у нее на груди. Медальону Алиса научилась верить в первую очередь.

Чем дальше они летели, тем очевиднее для нее становилось, что Вожак был прав: грозовые тучи заслоняли горизонт со всех сторон, лишь позади Томаса и Алисы оставалась светлая полоска, там, где проживал еще один свой день Город.

Через пару часов стремительного полета стало ясно, что грозу не миновать. Она вступала в свои права. То устремляясь вверх, то плавно опускаясь к самой земле, Вожак находил путь между полнившимися ядовитой водой тучами, все еще надеясь увести Алису подальше.

* * *

Ураган неся над грядой, сметая все живое на своем пути. Опережая его на один шаг, Томас с Анабель летели вдоль песчаной долины, преследуя охотника, неведомо как оказавшегося в опасной близости к Городу.

Это был первый крылатый год Томаса, и парень отчаянно красовался перед своей спутницей. Будучи старше него, она на десять лет раньше стала Крылатой и все эти годы отдала небу. Казалось, ей, сильной и крепкой, не требовалось вовсе прилагать усилий для полета. Широкого размаха каштановые крылья Анабель такого же цвета, как копна ее волос, магическим образом воплощали одновременно и грацию, и мощь.

Опытная Крылатая насмешливо косилась на юнца, который уже несколько месяцев кряду увязывался за ней, сопровождая во время каждой вылазки. Он так нелепо бравировал, когда ловил ее взгляд. И был так непередаваемо хорош, если не чувствовал, что она следит за ним из-под опущенных ресниц. Широкий в плечах, он мгновенно разгонялся, как только крылья раскрывались у него за спиной.

Анабель тайком любовалась его полетом, иногда позволяя себе помечтать, что мальчишка однажды вырастет в настоящего Крылатого, и тогда, кто знает... Крепкие руки и длинные пальцы всегда были слабостью Анабель, а упрямый взгляд его серых глаз порождал в ней смутное волнение. Но пока Томас был недавно оперившимся птенцом, и ему она только и разрешала, что лететь рядом, перебрасываться с ней остротами и поправлять лямку рюкзака, которая раз за разом будто нарочно спадала у нее с плеча...

Пока они, шутливо переругиваясь, петляли над дюнами, охотник затаился в небольшой пещере у вершины скалы. Это был старый самец, похожий на большую полосатую кошку с картинок бабки Феты. Всклоченный, клыкастый, буро-серый, он долго шел по следу падальщика, а когда настиг его и забил, то

почувствовал новый запах. Запах очага, человеческой плоти и рыхлых грибниц. Охотник никогда не был в Городе, но какой-то особой памятью рода он знал, что там можно пожить. И, небрежно закидав останки смердящего падальщика, он уверенно пошел по запаху, переходя на стремительный бег.

Когда в воздухе запахло грозой, самец забрался в пещеру, он чувствовал, что маленькие человечки заметили его, что за ним самим началась охота, и это придавало ему сил. Пусть добыча потешит себя мыслью, что охотники тут они.

Под серым мехом у самца бугрились стальные мышцы, а мощные клыки умели перемалывать камни, что уж говорить о сладких человеческих косточках? Он не боялся встречи с людьми, он ждал, когда они найдут его пещеру сами, чтобы вонзить в них когти из тьмы.

Гроза обрушилась на Крылатых неожиданно. Мгновение назад солнце ровным жаром прогревало песчаные холмы, а вот уже его скрыли свинцовые тучи, и они все прибывали, скалясь яркими всполохами, роняя первые капли, которые, падая на землю, шипели и плавил камни.

Анабель вскрикнула, когда капля упала ей на левое крыло и прожгла перья до самой плоти. Она упустила момент, когда мир потускнел от первых туч, слишком уж увлеклась перепалкой с юным спутником.

– Старая дура! – обругала себя она, мгновенно настраиваясь на опасность. – Гусыня!

Томас тем временем испуганно оглядывался, не зная, куда податься от падающих тут и там пахучих капель. Первые молнии уже били в песок у самого горизонта, стремительно приближаясь к Крылатым.

– Туда! – закричала Анабель, взмахивая руками.

Томас спланировал, следуя за своей Крылатой, стараясь не задевать крыльями шипящие камни.

Молодая женщина разглядела в стремительно сгустившейся темноте небольшую пещеру прямо над ними. Это было спасением.

«Сейчас укроемся, разведем костер, и можно переждать грозу. Глядишь, и охотника подпалит, легче будет его прикончить», – думала Анабель, приземляясь и отряхиваясь.

– Ну как ты, птенчик? – Насмешливо скривив губы, она повернулась к Томасу, который уже стоял позади нее, вглядываясь в сумрак пещеры. – Испугался? Исподнее поменять? – не унималась она, отчего-то желая увидеть, как тревога на лице Томаса сменится спокойной улыбкой.

Потом она будет не раз с удивлением вспоминать о своей тогдашней беспечности, вовсе ей не свойственной, чуть не ставшей роковой ошибкой. Но в тот самый миг ей хотелось только смахнуть с лица юноши пережитый страх, обнять его, то ли с материнской заботой, то ли так, как женщина обнимает мужчину, чтобы он перестал напряженно смотреть во тьму пещеры.

Поверх ее правого плеча Томас видел странные отблески, словно два темных влажных глаза смотрели на них из самого дальнего угла. И у парня не получалось выбросить этот образ из головы, хотя перед ним стояла раскрасневшаяся от пережитого Анабель, самая красивая женщина Города. Ему хотелось убрать с ее щеки прилипший завиток, прижать к стене и поцеловать так, как он давно мечтал. Властно, решительно, со всей силой своего желания и восхищения.

Но темные глаза смотрели на них неотрывно. Томас отчетливо запомнил, как могучая фигура зверя начала обретать очертания, как засияли его клыки, как в глубине пещеры раздался его утробный рык.

От нежной шеи Анабель охотника отделял один прыжок. Не прыжок даже, а короткое движение в ее сторону. Ударом лапы зверь сбил бы женщину с ног, второй лапой прижал бы ее не способное к сопротивлению тело к камням. И, наконец, вонзил бы клыки в ее нежную плоть и, стискивая челюсти, внимательно наблюдал бы, как расширились от ужаса зрачки жертвы, которая, раскрыв рот, исторгала бы последний пронзительный крик адской боли.

Так бы все и было. Никто еще не вырывался из лап матерого самца. Но когда крупное тело охотника пришло в движение и он занес лапу для первого удара, в грудь его ударило что-то острое и сильное так, что он отпрянул к стене. Из раны в груди полилась теплая кровь, голову разом повело в сторону. И последним, что

увидел старый охотник перед смертью, была фигура девушки, скорчившейся у края пещеры, и, рядом еще один человеческий выродок, которого он, опьяненный жадой крови, не заметил.

Выстрелив зверю в грудь из арбалета, Томас уронил оружие на камни и упал перед Анабель на колени. Ее сотрясал озноб, слезы катились по щекам, и, прикрывая лицо руками, она безуспешно силилась совладать с рыданиями.

Томас не понял, как у него получилось сорвать с пояса арбалет, не прицеливаясь выстрелить в зверя и, главное, попасть ему прямо в грудь всего за долю мгновения до того, как охотник обрушил бы свою когтистую лапу на незащищенную шею Крылатой. Но это было уже не важно. Теперь Томаса тревожило, что самый дорогой в его жизни человек рыдал на маленьком уступе, а ядовитые капли грозового дождя, бушевавшего снаружи, так и норовили обжечь лица им обоим.

– Ну-ну... успокойся, – шептал он Анабель, обнимая ее за плечи, неумело пытаясь успокоить. – Все закончилось, эта тварь сдохла, она тебя не тронет.

Но Крылатая продолжала плакать навзрыд, а ее сильное тело обмякло и содрогалось все сильнее. Томас в отчаянии оглянулся, но помощи ждать было неоткуда. С одной стороны ярилась гроза, с другой, в пещере, остывал труп огромного монстра – еще теряя свою густую кровь, зверь пялился прямо на них мертвыми глазами.

Томас решительно встал, прошел в глубь пещеры, схватил охотника за гигантскую лапу и потащил его к выходу.

– Закрой глаза, – сказал он Анабель, – и считай до пяти. Медленно. Просто считай.

– Р-р-р-раз, – послушно прошептала Анабель, крепко прижав ладони к мокрым глазам.

Томас подтащил тело охотника к самому краю.

– Д-д... два, – выдохнула Анабель у него за спиной.

Томас обошел зверя и уперся в его тело плечом.

- Три, - уже спокойнее произнесла девушка, сглатывая последние слезы.

Тело подалось вперед и закачалось на краю уступа.

- Четыре. - Голос Анабель уже не дрожал.

Огромное чудовище полетело вниз, тяжело ударяясь о камни, разбивая их и шипя под каплями дождя.

- Пять, - выдохнул Томас, склоняясь над Крылатой и целуя ее в соленые губы.

Убрав руки от лица, Анабель на секунду распахнула глаза, посмотрела на него - зеленое травянистое поле на серое полотно в медную искорку - и ответила на поцелуй с таким жаром, какого Томас не смел и ожидать.

Через пару часов гроза закончилась, и им пришлось ослабить объятия. Липкие от пота, хотя так и не разожгли огня, они лежали на скомканных куртках. Анабель дремала. Томас поглаживал кончиками пальцев линию ее талии, мягко переходившую в бедра. Он потянулся поцеловать нежную кожу у ее пупка, когда Анабель проснулась и посмотрела на него.

- А что будет дальше? - хриплым от слез и стонов голосом спросила она.

- Я не умею красочно рассказывать, поэтому лучше покажу. - Томас навалился на нее, но, встретив строгий взгляд, остановился.

- Я серьезно. Это для меня не очередная интрижка во время вылазки. Я взрослая женщина, мне тридцать два года, Томас. Я уже не гожусь в боевые подруги. Тебе бы надо найти себе молодую Крылатую, наиграться с ней. А потом жениться на девушке без крыльев. Поэтому я спрашиваю тебя: что будет дальше?

Томас потрянул косматой головой и снова лег рядом с Анабель, продолжая ласкать ее, чуть касаясь ладонью кожи.

– А дальше, о моя суровая воительница, мы повторим прошлый раз, добавив несколько тактических изменений. – Он почувствовал, как при этих словах напряглось ее тело. – А после мы оденемся и полетим в Город. Найдем старика и попросим у него разрешения жить в одном доме. Чур у тебя, у меня жуткая берлога, даже охотник бы там не...

Не дослушав его, Анабель уже целовала этого глупого, смешного мальчика.

Мальчика, который дважды спас ее. От охотника и от нее самой.

Когда они все-таки собрались улетать из пещеры, отряхнувшись от каменной крошки, то еще немного постояли на самом краю уступа, будто решаясь сделать шаг в новую жизнь.

– Посчитаем до пяти? – улыбнулась Анабель и залилась звонким счастливым смехом...

...Спустя двадцать лет Томас стоял на краю того же уступа, наблюдая, как дождь плавит камни. А за спиной у него молодая Крылатая чуть слышно вела отсчет.

– Раз. Два. Три. Четыре, – шептала Алиса, силясь унять дрожь.

– Пять, – выдохнул Томас вместе с ней.

Глава 6

Песок скрипел на зубах, забивался в каждую складку одежды, засыпал приоткрытый рюкзак, царапал кожу и превращал волосы в нераспутываемый колтун. Алиса старалась не думать, что на самом деле это был вовсе не песок. Прах. Вот что не давало вдохнуть и выдохнуть без першения в воспаленном горле. Разносимые ветром частицы сгоревшего мира – все, что осталось от животных и людей, трав, цветов и Деревьев.

С той памятной для нее грозы миновало уже с полдюжины дней, Вестники летели дальше, почти не разговаривая, перебрасываясь короткими фразами, скорее чтобы прочистить горло, чем из желания поделиться мыслями. Иногда Алисе казалось, что обычной жизни до этого путешествия над мертвой пустыней просто не было. Что все свои дни и годы она провела в напряженном полете, боясь потерять из виду спину Вожака. А он летел и летел не оглядываясь, словно его крепкое тело не знало усталости.

Внизу проплывала песчаная пустошь. Изредка ее пересекали следы падальщиков – огромных и неуклюжих тварей, покрытых мелкой чешуей, что рыскали по пустыне в поисках добычи. Временами Алиса замечала ночных лисиц, которые парами выскакивали из своих глубоких нор, когда солнце скрывалось за раскаленным горизонтом. Ловкие, с пушистым мехом, эти зверьки кружились, сплетались длинными хвостами, будто танцевали только им известный танец. В Братстве говорили, что так лисы провожают еще один прошедший день. День, не убивший их маленькие поселения в недрах песчаных скал.

Чем питаются пушистые зверьки в новом мире, как они выжили и приспособились к новым, суровым условиям, никто не знал. Слишком много пробелов оставил Огонь в сознании человека. Все, что не способствовало выживанию, утратило важность. Мир заканчивался на границах Города, будто Огонь сжег его не только вокруг, но и внутри каждого выжившего. Но пока люди выращивали грибницы, учили последних Крылатых, строили жалкие халупы в тени скал, лисички выбегали из своих укрытий, чтобы проводить безжалостное солнце за черту горизонта. Алиса смотрела с высоты своего полета на их узкие спинки, задранные к небу мордочки, и ей отчего-то казалось, что в этих зверьках сохранилось больше души, чем во всем Городе.

Когда светило опустилось за скалистую гряду, Вожак обернулся к девушке и резким взмахом руки приказал ей начинать снижение. Алиса чуть наклонилась в сторону, ловя потоки воздуха правым крылом, и плавно, по широкому кругу спустилась к земле вслед за спутником, высматривая в быстро наступающей темноте будущее место ночлега. Обычно они устраивались в маленьких пещерах, где разводили огонь, согревали немного воды, чтобы растворить в ней паек, а потом по очереди забывались беспокойным сном. Время дежурства Алисы начиналось за пару часов до рассвета. Вожак будил ее, резко касаясь к плеча, и сразу отходил в свой угол, без слов и шорохов, чтобы отдохнуть там до самого утра.

Первые лучи еще не раскололи тьму ночи, морозец сковывал пустыню и небольшой пригорок, в пещере у подножия которого Вестники обосновались в этот раз. Алиса присела у самого входа в укрытие, запахнувшись плотнее в куртку Лина, которая еще пахла его телом – или юной Крылатой просто хотелось в это верить. Огромная, будто нарисованная сумасшедшим художником луна освещала бурые песчаные холмы; уходящие до самого горизонта, видом напоминавшие волны, они таинственно мерцали, завораживая Алису, словно пульсируя в такт ударам ее сердца.

Бабка Фета рассказывала, что огненная пустыня куда разумнее, чем хочет казаться заплутавшему путнику. Она говорила о блуждающих миражах, которые якобы умеют заводять Крылатых в жаркое пекло манящими образами воды и зелени. О свете кровавой луны, восходящей на западе: она, мол, пьет души погибших в пустынях, окрашивает золу в багровый цвет, и зола эта становится зыбучей – встанешь на нее и враз погрузишься с головой.

За эти рассказы Фету часто вызывали к старику – сложно придумать что-то более пагубное для духа будущего Крылатого, чем страшные сказки полоумной бабки, считал он. Но та лишь глухо посмеивалась, обсасывала крысиные косточки да сплевывала их в морщинистую ладонь.

Теперь все ее байки оживали в голове у Алисы, а мерцающий лунный свет делал их с каждым разом все более реальными.

«Мы летим с полдюжины дней, – думала она, прислонившись спиной к стенке пещеры, – летим, не отклоняясь от маршрута, не петляя. Значит, Томас уверен в карте, что дал ему Вестник. Значит, еще столько же, ну, два раза по столько, и мы будем на месте. Если сумасшедший старик был прав, то перед нами раскинется настоящий оазис. Я увижу собственными глазами свежую траву, умоюсь водой без мерзкой взвеси. Вот что должно занимать все мои мысли, а не глупые сказки старухи Феты».

Но отчего-то ей было проще верить в кровавую луну, наполняющую душами погибших Братьев топи из праха и песка, чем в место, где солнце светит мягко, а вода не горчит. О Дереве, которое они должны найти, Алиса старалась не думать вовсе.

Среди Крылатых было принято не говорить о медальонах как о даре исчезнувшего с лица земли божества. Артефакт, талисман, часть тела, знак отличия – можно было использовать какие угодно подходящие по сути слова и выражения, главное – не подтверждать обреченность их Братства. Человечество могло выжить, но как только Город вручил бы последний медальон последнему Крылатому, Братству пришел бы конец.

Все, что знала Алиса о Крылатых Деревьях, некогда росших повсюду, таилось в обрывочных слухах и легендах. Говорили, что Деревья обладали сознанием и силой, что они были мудрыми и благосклонными к человеку, что росли они там, где родниковая вода поила их корни, а солнце мягко согревало могучие кроны.

Люди строили города рядом с Рощами, поклонялись им, приходили к Деревьям за благословением, обручались в их тени. В Рощах крестили, венчали и отпевали. А самыми загадочными и уважаемыми среди людей были те, кого Деревья выбирали Говорящими. Сохранились легенды о волшебном сне, что мог длиться неделями, трансе, в который мог впасть Говорящий, когда садился у подножия Дерева, чтобы спросить совета для своего народа. И каждый полученный совет становился пророчеством, светом, что указывал целому Городу верный путь.

Деревья оберегали от войн, интриг и тщеславных правителей, и никто не смел оспорить слова, что слетали с губ очнувшегося слуги Роши. Деревья даровали людям медальоны – тонкие веточки, кусочки коры, способные сделать человека Крылатым. Считалось, что Крылатый – воин Дерева, защитник народа. И никакая беда не случалась с людьми, которые жили возле Роши, под защитой Крылатых, пока не пришел Огонь.

Алиса вглядывалась в скалы вдали, и ей казалось, что она слышит зов юного Дерева, волею небес выросшего где-то там, на клочке живой земли.

«Как страшно ему, наверное, – вдруг подумала девушка, и сердце ее сжалось от щемящей тоски и ощущения одиночества. – Маленькое разумное деревце, не знающее, зачем оно существует и кто его друг. Если оно там и вправду есть, то мы должны его найти. Даже ценой жизнью. Моей или Вожака, даже всего Города. Просто обязаны».

Горизонт тем временем начал светлеть, воздух прогрелся так, что пар больше не вырывался изо рта девушки вместе с дыханием, а значит, новый день уже почти наступил. Томас выбрался из своего угла, глаза его были совершенно ясными, будто ему хватило тревожного и недолгого сна, чтобы полностью восстановить силы. Мужчина обошел их холм, вслушиваясь в звуки, принюхиваясь – примериваясь к изменчивому облику пустыни вокруг.

* * *

Пока горький прах вихрился у самой земли, гонимый порывами ветра, на небо набежали тучи, но Томас не почувствовал ни приближающегося дождя, ни бури. Засыпая вчера, он прислушивался к урагану, что бушевал восточнее от направления пути, и за ночь ветер их не настиг. А значит, впереди был еще один спокойный день в пустыне.

Томас выучил наизусть карту Вестника, надежно хранимую в книжице с кожаной обложкой – последнем подарке Анабель, который он берег с болезненной тщательностью. Сегодня им предстояло обогнуть по левому краю пылевую косу – когда-то до Огня тут было соленое море – и приблизиться вплотную к скалам, которые отделяли их сейчас от еще одной пустыни.

А дальше – Томас боялся думать о невозможном, но эти мысли не отпускали его, мешая сосредоточиться на полете, – дальше, по словам Вестника, покрытая золой равнина внезапно закончится глубоким ущельем, на дне которого их ждет оазис. По расчетам Томаса, им оставалось лететь не больше десяти, по крайней мере пятнадцати напряженных дней: если в прошлом отправлявшиеся на поиски Вестники летали без определенного направления несколько лет, то карта старика точно указывала, как поразительно близко от Города прячется оазис.

С источником чистой воды, защищенный ущельем от раскаленного солнца, он таил в себе спасение Города и Братства. Скольких Крылатых могли бы спасти Вестники, зная, куда им лететь. Если бы они не кружили хаотично над бескрайней пустыней, если бы Дерево позвало их, как обещало пророчество, последнее до Огня – кто знает, может быть, сейчас он не вел бы эту девчонку на верную гибель, не летел бы сам, без веры в успех поиска.

Вестник не был Говорящим, не слышал зова: ему просто повезло, взлетев с кромки склона ущелья со своими последними спутниками, заметить на дне

зеленую поросль. Он сам признался в этом Томасу за разговором бесконечной ночью, предшествовавшей вылету.

– Я не поверил своим глазам, я закричал: «Братья! Братья!» – и мы устремились вниз, чтобы припасть к чистому источнику, – лихорадочно шептал он, все еще сжимая в кулаке сухую веточку. – Там был настоящий оазис, и солнце светило так мягко, воздух наполнился влагой, и росло Дерево. Юное, слабое Дерево. Я точно знаю, что это было оно. Не кустик какой обычный, – и хрипло засмеялся, – Дерево!

– Так ты заговорил с ним? – нетерпеливо спросил тогда Томас, стараясь держать голову подальше от дурно пахнувшего, явно сумасшедшего старика.

– Еще бы! – ответил Вестник, отправляя в рот кусочек грибницы. – Но оно мне не ответило. Наверное, потому что молоденькое, несмышленное. Я тогда веточку хватать! – Он потряс сжатым кулаком. – И мы обратно полетели, да... Знали бы мы тогда, как обратный путь сложится, все бы там и остались...

Вестник опрокинул еще одну стопку настойки и засопел.

Томасу понадобилось все самообладание, накопленное за годы неукоснительного исполнения Закона, чтобы не сжать ладони на грязной хилой щеке Вестника, настолько зол он был в тот миг.

– Дерево тебе не ответило? – громко спросил он старика, не давая тому уснуть. – Ты же Говорящий! Да? Тебя отправили как Говорящего? Тебя поэтому сохранили в пути? Ты поэтому нашел оазис? Ты слышал зов? Эй!

Но Вестник уже затих, опустив подбородок на тощую грудь. И лишь похрапывание отличало его от трупа. Томас постарался успокоиться, оставалось не больше часа до того времени, когда девчонка должна прийти к Черте. Как настоящая Крылатая, она не станет пытаться нарушить приказ даже ради спасения собственной жизни.

Братство всегда ставило судьбу Города выше своих собственных жизней. Томас сам был таким в счастливые годы своей молодости. А теперь он собирался в путь ради того, чтобы грызущая его по ночам совесть, эта гадкая тварь, куда ядовитее всех падальщиков, разжала свои тиски. И он добьется своего, чего бы

это ему ни стоило... Думая так, Томас уже почти вышел из комнаты, оставляя пьяного старика досыпать, но его догнал голос. Трезвый, полный горечи и вины голос Вестника.

– Я всех обманул. Я не был Говорящим, я ничего не чувствовал, мне просто повезло, и я хотел выжить, чтобы вернуться домой.

Томас постоял на пороге не оборачиваясь, вслушиваясь в сдавленные рыдания за спиной. И вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Теперь они с Алисой летели к оазису, что мог оказаться всего лишь клочком выжившей земли, на котором растет хилая трава и одно-единственное дерево – любое другое, но не Крылатое.

Заря занималась стремительно, яркое светило уже раскаляло воздух своими лучами – пора было взлетать. Томас намочил край рубахи водой из фляги, протер растрескавшиеся губы и шагнул вниз с пригорка, почти не чувствуя, как крылья вырастают за спиной. Он хорошо слышал шорох, с каким девчонка последовала за ним. Ему не было нужды оборачиваться, чтобы убедиться наверняка, летит ли она и не нужна ли ей помощь. Они набрали высоту и, жмурясь от яркого солнца, полетели к песчаной косе.

До самого вечера за время их полета не происходило ничего особенного, внизу расстился серый песок, над головой пылало солнце, иногда прятавшееся за редкими облаками. Алиса, то отставая, то догоняя Вожака, летела, не думая почти ни о чем, кроме мерных движений крыльев за плечами. Когда солнце, миновав зенит, начало от него отдаляться, девушка заметила внизу какое-то быстрое движение. Присмотревшись, она разглядела падальщика, резво бежавшего от скал. Огромный и обычно неповоротливый зверь перебирал короткими лапами, подталкивая себя массивным чешуйчатым хвостом, словно за ним мчался целый выводок охотников наперегонки с Огнем.

На мгновение Алисе показалось, что падальщик бежит на нее, она могла различить бездушные темные глазки, широкие когти на всех шести лапах и даже капли ядовитой слюны, что стекали с высунутого раздвоенного языка и падали на песок. Но Крылатые были в недостижимой для зверя высоте, да он их и не замечал. Он бежал, не разбирая дороги, – явно стремился оказаться как можно дальше от скал.

Алиса подумала окликнуть Томаса, но вовремя спохватилась: раздражать Вожака подобной малостью, как бегущий по своим гадким делам падальщик, было бы глупо. Поэтому девушка продолжила лететь вслед за ним и уже совсем скоро забыла об испуганном звере.

Лучи солнца слепили Томаса, не давая ему осматривать пустыню, заставляя щуриться и утирать выступающие слезы. Его спутницу от пылающего шара в небе еще скрывала нависающая гряда, поэтому Вожаку оставалось надеяться, что она следит за происходящим внизу с должным вниманием и предупредит его в случае опасности. А пока он летел, надеясь укрыться в скалах, что высились в часе лета от них.

Когда Алиса разглядела внизу лисий городок, она отчего-то ему обрадовалась, будто увидела старых знакомых. Конечно, в разгар дня никто из обитателей этого подземного царства не покажется на глаза, но милые зверьки, упорно выживавшие в суровых условиях, одним своим присутствием неподалеку приободряли Алису. Подлетая ближе, она заметила странное оживление у многочисленных входов в поселение. Лисицы испуганно пищали, вытаскивая наружу детенышей, которых они держали за холку своими мелкими зубами. Зверьки щурились от яркого солнца, но продолжали вытаскивать лисят и быстро уносить их куда-то, подальше от гор, оборачиваясь на ходу и этим странно напоминая суматошно бегущего падальщика.

Мурашки холодной волной пробежали вдоль спины Алисы, а медальон у нее на груди тревожно завибрировал, словно откликаясь на панику, что зарождалась в ее сердце, но причина которой оставалась неясной. И только когда Крылатая набрала в легкие раскаленного воздуха, желая окрикнуть Вожака, в скалах, что были совсем рядом с ними, что-то взорвалось. Волна раскаленного воздуха потащила пыль и пепел вверх, закручивая их спиралью, раскидывая поднятые в воздух камни. Ослепительные разряды электричества срывались с боков воронки, чтобы впиться в песок, плавя его.

«Гроза», – промелькнуло в голове у Алисы, но ясное небо и жарящее солнце опровергали ее предположение. Правильный ответ пришел в ту же минуту, когда к ней подлетел Вожак.

– Серые Вихри, – выдохнул он, и первый раз Алиса увидела в нем человека. Человека, испуганного до смерти.

Так в Городе пугали расшалившихся детей. Говорили самым капризным, что за ними придут пылевые Вихри и унесут через окошко в самую даль пустыни. Почему-то эта страшилка, сказанная голосом матери, крутилась в голове у Алисы, пока они с Вожаком метались из стороны в сторону в поисках хоть какого-то укрытия посреди абсолютно ровной песчаной косы. Приближаться к скалам в надежде спрятаться в какой-нибудь тамошней пещере было самоубийством. Вихрь бушевал, подкидывая в воздух валуны размером с небольшие пригорки, плюясь раскаленным пеплом.

– Надо приземляться! – крикнул Томас, высматривая хоть какую-нибудь неровность, способную защитить их, а между тем горячий ветер усиливался и уже поднималась пыльная буря, будто им было мало урагана по левую руку.

Медлить было нельзя: Томас знал, что серые Вихри, словно разумные твари, выискивают Крылатых, чтобы уничтожить их в своей сердцевине, пронизанной электричеством и наполненной прахом. Он был почти уверен, что Вихрь скоро почует их запах так же, как охотники чуют добычу. В этом сумасшедшем огненном мире не стоило искать объяснений жестокости: любая тварь, порожденная опаленной Огнем землей, желала уничтожить выживших, эта ненависть и наделяла ее сознанием – опасным и смертоносным.

Томас решительно спикировал и опустился на гладкую почву косы, оглядываясь, пока не заметил в отдалении серый валун, достаточно высокий, чтобы за ним могли спрятаться два человека. Но Алиса зависла в воздухе, не решаясь спуститься, с ужасом наблюдая, как Вожак нарушает главное правило вылазки: никогда не приземляться туда, откуда ты не сможешь взлететь.

Под ней раскинулась пустыня, ровное пространство без гор и возвышенностей, как потом расправить крылья, если неоткуда будет упасть? Она лишилась возможности использовать крылья и останется посреди пыльной косы, в десятке дней полета от дома. Это было хуже смерти от серого Вихря. Но Вожак, стоящий на земле, кричал ей что-то, размахивая руками, показывая на небольшой камень.

– Приземляйся, идиотка! Я приказываю тебе! – расслышала она голос Томаса, который надрывал горло, понимая, что привело девчонку в такой ужас. И у Алисы сжалось сердце.

Нарушить приказ было еще страшнее, чем нарушить Закон. Почти так же, как потерять возможность расправить крылья в свободном полете. Но сейчас она была готова наплевать на каждое слово, что кричал ей бывший Вожак, и попытаться улететь отсюда домой или к скалам.

«Но тогда он останется тут один, – вдруг отчетливо поняла девушка, – не сможет полететь, и его съедят падальщики».

И отчего-то эта мысль показалась ей в разы невыносимее, чем приземление на гладкий песок. Оставить Брата по Крыльям в беде – этого Крылатый не совершил бы никогда. Алиса зажмурилась и опустила вниз.

Как только подошвы ее ботинок коснулись песка, последовал подземный толчок такой силы, что девушка не удержалась на ногах; Томас подскочил к ней, схватил за руку и, подняв рывком, потащил к спасительному валуну. Вихрь приближался. Он будто состоял сплошь из пепла, непроницаемый, плотный, он выл и отшвыривал все, что попадалось ему на пути, крутясь в своей спирали и сверкая молниями.

Когда Крылатые достигли камня и, прижавшись к нему спиной, замерли, Вихрь остановился в стороне. Он покрутился на одном месте, оставляя под собой гигантскую воронку, а потом, смахивая раскиданный песок обратно и ровняя место воронки пылевым хвостом, направился прямо к камню. Туда, где, зажмурившись и шепотом молясь Святым Крылатым, Деревьям и умершей маме, скорчилась Алиса. Она чувствовала, как сильно сжимает ее предплечье рука Вожака, слышала его сдавленное дыхание, ощущала его тепло у бока, но не могла найти в себе силы посмотреть на него – увидеть смертельный ужас в глазах Томаса, увериться, что они с ним обречены.

Вихрь был уже на полпути к ним; потрескивая электричеством, он тянул к камню серые ветряные отростки, когда рука, сжимавшая предплечье Алисы, вдруг разжалась.

– Возьми, – услышала она горячий шепот и открыла глаза.

Вожак протягивал ей кожаную книжечку.

– Здесь карта, – сказал он. – Лети и найди оазис.

Не понимая, что происходит, Алиса забрала книжечку и с ужасом увидела, как Вожак встает в полный рост. За его плечами волшебным образом распустились крылья – ему для этого не понадобилось падать с высоты, разве такое возможно? – словно раскрылись два огромных паруса. И тут он взлетел.

Сделав круг около замершего Вихря, Томас повел его за собой в сторону, уводя от камня и косы. Вихрь еще не нагонял его, но скорость, с какой приходилось лететь Вожаку, была даже для лучшего из Крылатых почти предельной.

«Очень скоро я устану, и тогда Вихрь меня настигнет», – спокойно думал он, не понимая, почему поступил так.

Зачем он поддался секундному порыву, отдав заветную книжицу ничего не значащей для него девчонке, а теперь ценой своей жизни уводит от нее Вихрь? Ответа Томас не находил, но чувство, что Анабель бы сейчас им гордилась, в первый раз за последний десяток лет, прибавило ему еще немного сил.

Глава 7

Когда Алиса решила выбраться из-под защиты валуна, на пустыню уже опустилась ночь. Морозные иголки проникали через плотную куртку девушки, а северный ветер настойчиво толкал ее в спину. Надо было разжечь костер, надо было найти укрытие, надо было собраться с мыслями, изучить карту и понять, что же делать дальше. На возвращение Вожака Алиса уже не надеялась. Если бы Томас сумел оторваться от нагоняющего его Вихря, если бы только спасся, то он бы давно уже ее разыскал. Сомнений быть не могло: отныне весь груз ответственности за поиск Дерева ложился на плечи одной Крылатой, ее плечи.

Но даже осознание того, что она осталась в одиночестве, не выбивало почву у нее из-под ног так, как образ Вожака перед глазами – то, как он, решительный в своей обреченности, протягивает ей книжку с картой и встает.

«Крылья выросли у него за спиной...» – мелькнуло в голове у Алисы, и сердце девушки тут же упало в холодную пропасть ужаса.

Ее окружала бескрайняя пыльная пустыня. В минуты смертельной опасности Алиса просто забыла, что угрожающе нависший над ней Вихрь – не единственная насущная забота. Чтобы взлететь и продолжить путь, ей требовалось падение, в Братстве не учили иному способу распуścić крылья, кроме как упасть в пустоту, переступив Черту. Это было жутко, упоительно и верно. Горечь падения должна сменяться сладостью полета – так гласил Закон. Но здесь, посреди песчаных барханов пылевой косы, Алиса оказалась в ужаснейшем тупике. Вожак определенно знал, как привести в действие механизм, скрытый медальоном в глубине их тел, – но его больше не было рядом. У Алисы остались лишь карта и бесполезные крылья, спящие за спиной.

«Надо развести огонь, – сказала она себе, клацая зубами от холода, что уже проникал под одежду. – Поспать хоть немного, а потом решать, как быть дальше. Иначе замерзну тут, и никакие крылья мне больше не понадобятся».

Но костер все не желал заниматься. В набор для вылазки входили тонкие и липкие нити, их надо было поджечь высеченной искрой. Чуть видный дым, что поднимался от такого огня, имел почти такой же тяжелый запах, как грозовые капли. От него потом горчило во рту до самого утра. Но в этот раз у Алисы не выходило выбить ни единой искорки, руки дрожали, а ветер разносил костровые нити в разные стороны, и в конце концов девушка сдалась.

Судорожно вздохнув, она прижалась к валуну, который хоть немного защищал от порывов холодного ветра, и достала из рюкзака паек. Засушенные грибницы надо было залить теплой водой, и они, разбухнув, превратились бы в густую похлебку, достаточно съедобную, чтобы считаться вкусной, и питательную. Но в этот раз Крылатой пришлось грызть плотный брусок, просто запивая откусанные кусочки маленькими глотками холодной воды.

Ночь уже вступила в свои права, потрескивая морозцем, сковала песок и раскрасила темное небо мерцающими всполохами.

Небесное сияние нравилось Алисе, оно походило на переливы драгоценных камней из сказок. В детстве она любила слушать рассказы про гору самоцветов, которой владела надменная правительница. Засыпая, Алиса представляла себе, как мерцают в красивых руках королевы ее богатства. Но в эту ночь холодные всполохи завораживали девушку и внушали ей необъяснимый ужас.

Одурманенная сиянием, Алиса чувствовала себя сидящей на дне глубокого моря, не яростного и живого, какое ей снилось, а темного и тяжелого. Крылатой казалось, что весь мир – тонкая рамка, что он лишь обрамляет собой это низкое темное небо, расцвеченное странными вспышками неземного света. И все, что происходит с человеком, – несущественная мелочь, не имеющая даже права на жизнь в сравнении с мрачным торжеством небес. А значит, и борьба бессмысленна, и остается только сидеть тут, задрав голову, чтобы с течением времени раствориться в танце света. И будет это наивысшей честью, которая только могла быть дарована человеку...

Дыхание девушки становилось все тяжелее, плечи поникли, словно небо надавило на них всей своей тяжестью. Глаза начали медленно закатываться, обнажая светящиеся в темноте белки. Судорога волной прошла по телу Крылатой, а медальон настороженно завибрировал под курткой. Но Алиса этого не чувствовала.

Она почти поддалась силе небесных всполохов, когда ее пробудила далекая песня, будто кто-то, очень знакомый Алисе, кто-то родной пел ей что-то на знакомый мотив. Через дурманной сон девушка силилась расслышать, о чем именно поет этот голос. Но все ее усилия были тщетны, песня не приближалась, но длила свои ноты, тянула их, а вслед за ними вытягивала Алису из небытия.

Крылатая отчаянно боролась со сном, но тяжелая голова так и норовила упасть на грудь, пока девушка вслушивалась в далекое пение. Уже проваливаясь в спасительную дрему, Алиса вдруг поняла, что голос, доносящийся со стороны скал, до боли похож на давно забытый голос матери, а песня вдруг оказалась старой колыбельной, прячущейся в закоулках ее собственной памяти.

Спи, моя птаха, спи, солнце ушло за скалы.

В мире моей любви пахнут так пряно травы.

Спи, не видать огня, боли, печалей, страха

Там, где люблю тебя. Спи, засыпай же, птаха.

Прислонившись к холодному камню, кутающаяся в куртку Алиса уснула так крепко, как она засыпала только в материнских объятиях много лет назад.

Этот глубокий и спокойный сон не смогла нарушить даже песчаная буря, что разыгралась ближе к полуночи на востоке. Палевого окраса, битый в боях охотник с самого утра шел, будто по натянутой нити, напрямиком к серому валуну, под которым мирно спала Алиса, но за сотню метров до цели зверь вдруг повел носом и припустил в противоположном направлении. Вестница спала, подложив под щеку кулак, а пустыня вокруг нее замерла, словно кто-то укрыл своими ладонями девушку от всех бед, таящихся в темноте. И лишь одни внимательные глазки не отрываясь глядели на Крылатую этой ночью.

Молодой лис, поджав вывихнутую лапку, сидел у самого выхода из норы. В спешном беге от Вихря его родня устремилась подальше от скал, а сам лис во всей этой суматохе споткнулся о неразумного щенка, который, раскрывая красный ротик, беззвучно звал кормилицу, и ударился лбом об острый камушек.

Когда сознание вернулось в его шумящую голову, родня была далеко, а Вихрь бушевал у северного выхода из подземного лабиринта лисьих пещер. Зверьку ничего не оставалось, как, прижимая ушки, закопаться в рыхлый песок и замереть. Вскоре шум снаружи пещеры стих, а лис забылся тревожным сном. Разбудило его чувство голода. Лис, ковыляя на трех здоровых лапах, проверил оставленное жилище, но предусмотрительные лисицы сумели забрать с собой все, что могло быть использовано в пищу.

«Ни тебе сушеных тарантулов, ни тараканчиков, даже коренья и те утащили...» – недовольно ворчал себе под нос молодой лис, все ближе подбираясь к выходу.

Безжалостное солнце еще не поднялось над пустыней, и зверек понимал, что если он промедлит, то лишится последней возможности найти что-то съедобное наверху. Как поступить дальше, он пока не решил. Родня была уже так далеко, что он бы и на четырех здоровых лапах никого не нагнал, что уж говорить о трех. Шансов выжить становилось все меньше, но если прямо сейчас не подкрепить силы, то к следующему закату он превратится в холодный трупик.

Осторожно, стараясь не наступать на поврежденную лапку, иначе безжалостная боль пронзала все его тельце, лис выбрался наружу. Небо освещали всполохи. Каждая ночная лисица, даже самая несмышленная, знала, что сияние, насыщенное электричеством Вихря, пусть и оставалось завораживающим зрелищем, в то же время несло смерть всему живому. Околдованные его красотой, зверьки замертво падали на песок, вытягивая узкие мордочки, из пасти у них шла белая пена, а глаза закатывались так глубоко, будто

переворачивались в глазницах.

Обычно Вихри не приходили внезапно, лисицы успевали спрятаться поглубже, закопать все входы и щели, и так пережидали ураган. Ночи после сияний были ночами без привычных танцев на песке. Ночами тихого скуления. Все собирались в глубоком зале, тесно прижимались друг к другу, ожидая горячее солнце, что разгонит с небесного полотна беспощадные огни.

Но сегодня у молодого лиса не было выбора. Стараясь не смотреть даже краешком темных глазок вверх, он огляделся вокруг. Серый валун, на котором так приятно было погреться ранним закатом, высился впереди. Лис не сразу разглядел, что у валуна кто-то лежит. Тело казалось безжизненным, оно не дышало и не двигалось в темноте.

«Наверное, Вихрь принес сюда свою жертву и выплюнул ее, как падальщики выплевывают пережеванные колючки», – решил лис, посидел еще немного и отправился разузнать, не осталось ли чем поживиться после Вихря.

Когда до темной бездыханной фигуры оставалась пара коротких перебежек, лис почуял пленительный аромат съестного. У бледной лапы лежащего на земле существа валялся кирпичик чего-то пахнущего грибами – землисто, терпко и сытно. В своей недолгой жизни лис ел грибы один раз, когда разведчик притащил такой же брусок в нору, восторженно пища, что, мол, еда упала на него с небес. Божий ли подарок то был – неизвестно, но вкус малюсенькой крошки, доставшейся ему тогда, он запомнил отчетливо. И вот сейчас, только лапу протяни, целый грибной кусок манил зверька своим ароматом. Пасть лиса в секунду наполнилась слюной, а в желудке тоскливо забурчало.

«Успокоиться. Выждать. Схватить. Убежать», – молниеносно пронеслось у него в голове.

Одним прыжком, не замечая, как невыносимо болит вывихнутая лапа, лис подскочил к бруску и схватил его в зубы. Перед глазами расплылись круги, одурманенный близостью еды, он забыл о намерении убежать, уселся рядом с безжизненной ладонью, поджав больную лапку, и принялся отрывать, разжевывать и глотать упоительно вкусные кусочки.

* * *

Алисе снилось, что она лежит в своей детской кроватке, теплой ладонью мама гладит ее по волосам и поет свою колыбельную песню сильным, но нежным голосом:

Спи, моя пташка, спи, ночь – это тоже птица.

В мире моей любви горюшка не случится,

В мире моей любви станут крылаты люди.

Спи, моя птаха, спи, пусть тебя не разбудит

Ветра проклятый вой, холод ночи искрится,

Помни, что я с тобой, помни – ты тоже птица.

Затемненная комната кружилась перед глазами Алисы, но это ее не пугало, наоборот, все тело наполнил покой, каждая клеточка растворилась в мамином голосе. Алиса чувствовала, как теплая простынь нежит спину, а под рукой примостился ее любимый игрушечный лис, потрепанный, но целый.

Спи, моя птаха, спи, утро придет нескоро,

Меркнут в горах огни, солнце за косогором

Спряталось, утра ждет. Спи, моя пташка, сладко.

Время идти вперед будет, но только завтра,

В край, где деревьев лес, так же, как ты, крылатых,

Спи, моя пташка, здесь ты родилась когда-то,

Чтобы спасти всех нас, смерть победить водою,

Спи, моя пташка, час сна твоего укрою

Тоненькой пеленой – нет, ни огня, ни страха.

Спи, я всегда с тобой. Я – твои крылья, птаха.

Алиса силилась понять, о чем поет мама, о каких крыльях ведет она песню, почему от этих слов по детскому ее тельцу бегут колкие мурашки. Она подняла глаза на мать, а та зыбкой картинкой уже растворялась в темноте комнаты, с нежной улыбкой смотря на перепуганную дочь...

Алиса открыла глаза. Над головой раскинулось предрассветное небо. Комнатка, знакомая ей с рождения, бесследно исчезла, вместо мягкой постели спина девушки опиралась на холодный камень, и только старая игрушка продолжала послушно сидеть у ладони.

«Чарли», – вспомнила Крылатая.

Игрушку ей подарила мама на пятый день рождения. Они долго выбирали имя лису и, весело хохоча, сошлись на Чарли. А после маминой смерти все вещи из дома, кроме старой муфты, пришлось отдать Городу. Больше Алиса не видела игрушечного лиса. Но сейчас он сидел рядом с ней, забавно прижимая одну лапку к животу, чуть приподняв уши. Лис казался живым настолько, что Алиса, еще не проснувшись полностью, протянула к нему руку и ткнула пальцем в мягкий бочок. Вместо искусственного тельца палец уперся во звериный мех. Теперь Алиса чувствовала в воздухе запах теплого дыхания зверька и... сухих грибов.

Лис тонко взвизгнул, выронив из пасти последний кусочек пайка, и, подпрыгнув от страха, понесся к норе. Он совершенно забыл о вывихе, но как только вес его тела пришелся на поврежденную лапу, она подогнулась, а лиса ослепила вспышка боли. Не издав даже писка, он упал на холодный песок.

Сердце испуганно трепетало у Алисы в груди, когда она осторожно приблизилась к замершему тельцу. Пушистый мех не скрывал худобу и молодость зверька. Размером чуть больше ее ладони, лис пушистой горкой лежал на песке. Неестественно вывернутая передняя лапка сразу привлекала взгляд. Девушка несмело дотронулась до зверька, но тот не очнулся. Его впалые бока еле заметно поднимались и опадали в такт слабому дыханию.

Короткого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: если немедленно не помочь лису, он погибнет еще до первых рассветных лучей. Надо было вправить вышедший сустав да перевязать его покрепче. Но на плечах Алисы уже была одна неподъемная ноша, брать на себя ответственность еще и за жизнь зверька,

пусть даже такого маленького, казалось ей сумасшествием. Она постояла около лиса, размышляя, что лучше всего было бы сейчас заняться своими бедами, но совесть оказалась сильнее голоса разума. Шумно выдохнув, Алиса опустилась на колени у безжизненного тельца и принялась осматривать поврежденную лапу.

За то время, что прошло после вывиха, лапа сильно опухла. Алиса медленно ощупала каждое сочленение, радуясь, что зверек еще не пришел в себя. Во время испытания она выбрала курсы первой помощи и знала, как вправлять конечности. Осторожно, но решительно девушка слегка прижала одной рукой тельце лиса к песку, а второй крутящим движением поставила на место поврежденный сустав. При этом раздался противный щелчок, но зато теперь лапа не топорщилась страшным изгибом. Лис жалобно заскулил, но глаз так и не открыл. Оставалось только перевязать лапку, чтобы дать ей успокоиться. Алиса оторвала полоску ткани от своей нижней рубашки, туго забинтовала лапу и наконец выдохнула.

Солнце уже всходило. Вожак не вернулся. В голове у девушки звучала странная песня из сна, а крылья прятались внутри. Указание о том, куда лететь дальше, покоилось в книжке Вожака, но Алиса никогда прежде не бралась читать карты. Казалось, судьба насмехается над ней, подбрасывая все новые испытания, хотя и со старыми Вестница пока еще не справилась.

– Надо разбудить крылья, остальное – потом, – решительно проговорила она, поднимаясь.

Единственное решение, что приходило на ум, висилось позади нее – серый валун сложно было назвать подходящим, но других вариантов не предвиделось. Алиса забралась по каменистому боку и встала на его верхушке. Крепко зажмурившись, девушка попросила Крылатых богов о помощи и шагнула вниз.

Песчаная земля ударила ее в ступни, и девушка рухнула на четвереньки. Ладони обожгло. Алиса отряхнулась и встала. Валун равнодушно блестел на солнце.

* * *

Лис очнулся за пару часов до заката, в лапке пульсировала боль, но уже затихая, не пронизывая все тело. Скосив глаза, он увидел, что кто-то вправил ему сустав

и перевязал лапу светлой тканью. И этот кто-то был еще здесь: лис услышал шорох его шагов по песку, потом звук возни у камня и почти сразу – гулкий стук, какой бывает при падении. Зверек осторожно повернул голову и увидел человеческого детеныша.

Это определенно была самочка, растрепанные русые волосы налипли на раскрасневшееся лицо, вся одежда была в песке, а глаза сверкали яростью, но пахло от человека смертельной тоской. И немножко грибами. Самочка забиралась, оскальзываясь по гладким бокам, на верх камня, жмурилась и шагала с него в пустоту, чтобы упасть на песок, перекатываясь с ушибленных колен на спину. А потом все повторялось. Руки человека были в крови, лис чуял ее тяжелый запах, и шерсть приподнялась на рыжем загривке.

Лисицы передавали из поколения в поколение байку о том, как раньше человек был хозяином этих земель, когда они были плодородными и наполненными водой. Но человек слишком любил кровь. Эта жажда затмила ему разум, говорили лисицы, он хотел крови земли, крови тварей, что по земле ходят, крови братьев своих и даже крови своих Богов. Но пришел Огонь, и он утолил их жажду.

Лисы никогда не убивали ради крови и забавы – только чтобы выжить. Но кто знает, что там в голове у потомка кровожадного рода?

Лис испуганно замер, продолжая наблюдать за странным ритуалом. Но после особенно гулкого падения самочка осталась лежать на песке. Ее плечи задергались, а сама она издала странный вой, полный отчаяния. Лису стало ее жаль.

«В конце концов, – думал он, подползая к поверженному человеческому детенышу, – она вправила мне лапу, хотя могла убить. К тому же, когда у тебя есть вкуснейшие грибы, зачем тебе звериная кровь?»

Алиса окончательно выдохлась. Целый день она упорно шагала с камня в пустоту, но крылья продолжали спать. Пот заливал ей глаза, ладони были сбиты в кровь, а про посиневшие и опухшие колени девушка старалась не думать. Все отчетливее становилась мысль, что она продолжит путь пешком. И погибнет, конечно. Но бросить исполнение задания Города было хуже смерти. Пусть крылья ее не слушаются, но она остается Крылатой. Кто знает, может быть, ей

повезет добраться до гор и найти камень повыше. А сейчас надо было отдохнуть, чтобы завтра еще до рассвета изучить карту и пойти, положившись на милость пустыни.

Пока Алиса искала в себе силы перевернуться, доползти до рюкзака и хоть что-нибудь съесть, лис подобрался к ней поближе. В его пасти был зажат последний, самый лакомый кусочек грибного пайка, подобранный им у валуна. Осторожно подойдя, он ткнул Алису в бок своим широким лобиком, а когда она, вздрогнув, обернулась, внимательно посмотрел ей в глаза.

Рыжий зверек настороженно смотрел на Алису, но она почему-то была уверена, что он не станет нападать, в его глазах читалось явственное сочувствие. Они смотрели друг на друга несколько секунд, а потом лис вздохнул и положил рядом с ней кусочек пайка. Постоял еще немного и добавил к сухому грибному брусочку тельце песчаного таракана.

Это был самый сложный, самый одинокий и страшный день жизни Крылатой, хуже ей было только в день маминых похорон. Но при взгляде на больного и брошенного стаей лиса у девушки защипало в глазах. Зверек отдал ей последнее из сочувствия, а может, в благодарность за вылеченную лапу. Но если в этой огромной пустыне есть хоть одна живая душа, способная на такое, значит, для нее еще не все потеряно.

Когда взошла луна, Алиса и лис уже спали: зверек прижался к ее боку, свернувшись клубком под полой тяжелой куртки. Около них на песке виднелось несколько грибных крошек и левое тараканье крылышко.

Глава 8

Томас изучил лицо Анабель до мельчайшей черточки. Вьющаяся прядка, выбившаяся из тугой прически. Две родинки на правой щеке. Полные, чувственные губы – она закусывала их до крови, когда он ее ласкал. Большие насмешливые глаза, зеленые, как свежая трава, как мир, каким он был раньше. Широкие брови, левую пересекал узкий шрам. Один из множества ее шрамов. «На память об испытании», – смеялась Крылатая.

Правда открылась спустя месяцы, когда Томас узнал, как сложно проходила трансформация тела его любимой. Как не желали раскрываться крылья, как первый шаг в пустоту завершился падением на скалы, как лекари собирали кости по кусочкам, сшивали связки и мышцы и боролись за ее жизнь несколько долгих недель. Томасу казалось, что гибкое тело Анабель создано для полета. А когда увидел затаенную вязь шрамов, что прятала от чужих взглядов ее одежда, то еще сильнее полюбил эту женщину.

Все то, что получалось у Томаса играючи, давалось ей тяжелым трудом с полным напряжением железной воли. И когда она, такая сильная в глазах других, тихо засыпала в его объятиях, в Крылатом просыпалась неведомая ему прежде нежность, накрывала его волной, так, что перехватывала горло. Это чувство оказалось сильнее даже естественного, понятного желания обладать. И это пугало Томаса. Куда легче было бы просто закрутить роман с сестрой по Братству, отправляться с ней на вылазки и травить байки, греясь у костра. Но та памятная гроза, мертвый охотник в пещере и доверчивые слезы Анабель сделали все сложнее. Во сто крат сложнее, в тысячи – прекраснее.

Томас перенес свой походный рюкзак в ее дом на следующее утро после вылазки. Не оглядываясь, он оставил свой закопченный уголок в общем доме Крылатых, как песчаные змеи сбрасывают и оставляют на холодной золе отслужившую кожу.

Анабель жила в небольшом доме почти у самой Черты. Беленые стены, серая крыша и тяжелая темная дверь скрывали уютную комнату с выходом в маленький сад, где Крылатая пыталась вырастить хоть какую-нибудь зелень. Грубо сбитый стол стоял посередине кухоньки и был покрыт скатертью. Последний раз скатерть Томас видел еще при жизни бабушки, которая воспитала его одна. Широкий топчан у завешенного окна, небольшой коврик под ним, шкаф у дальней стены – вся эта простая по сути обстановка отчего-то показалась Томасу странно умиротворяющей. В комнате пахло свежим хлебом, теплым очагом. Запахи кружили голову. Это место было настоящим домом, и ему предстояло возвращаться сюда каждый вечер. Целовать эту женщину, что стояла в дверях и смотрела на него с рассеянной улыбкой.

Анабель могла прочесть каждую из мечущихся в голове у Томаса мыслей. Ей тоже было не по себе. Все произошло слишком быстро. Долгие годы в ее жизни не было ничего, кроме неба. И вот появился восторженный паренек, спас ее от грозного охотника и стал целовать так упоительно, как никто и никогда прежде.

А потом Город разрешил им жить в ее доме вместе. Каждый день, возвращаясь, переступить один порог – от мысли об этом Анабель то охватывала такая паника, что у нее спина покрывалась холодным потом, то у нее замирало сердце от предвкушения счастья...

Пауза затягивалась. Хлеб стыл. Тишина сгущалась. И Томас, кажется, почти решил, что вся затея с переездом – лишь глупая ошибка.

– Раз, – сказала Анабель, делая шаг от двери к нему.

– Два, – ответил Томас, пересекая разделяющее их пространство комнаты.

Три – она обвила руками его широкую грудь, прижимаясь к нему всем телом.

Четыре – он покрывал ее поцелуями, легко касаясь губами, пробуя на вкус, вдыхая запах еще неизведанного до конца, но уже родного тела. Они сливались в единый поток, который сметал все предрассудки и опасения. Они были единым вдохом, одновременным сладким выдохом.

– Пять, – прошептали растрескавшиеся губы.

– Ты никогда не бросишь меня, слышишь? – твердила она, стискивая его ладонь своей. – Ты всегда будешь рядом. Иначе я убью тебя. Сброшу со скалы. Я никому никогда не позволяла переступить порог моего дома. Я никому не позволяла себя любить, быть со мной. Я никогда не позволяла себе никого любить. Ты даже представить не можешь, мальчик, как долго я тебя ждала. Эта ночь была такой холодной. А теперь пришел ты, и начался новый день.

Томас чувствовал, как внутри него ворочается страх, но и его смела волна невероятной нежности. Если эта сильная и прекрасная женщина сделала свой выбор, то все, что осталось Крылатому, – посвятить всю свою жизнь тому, чтобы стать достойным ее решения.

* * *

– Ана... Анабе-ель... – прохрипел Томас и захлебнулся воздухом, проникшим в его обожженное горло.

Он видел прекрасный сон. Любимая обнимала его, прижимая горячие ладони к груди, гладила по волосам, и они наполнялись цветом от ее прикосновений. Он снова был молод в этом сне. Вместе с током горячей крови по венам его тело наполнялось силой. И Анабель, его вечно молодая и сияющая Анабель, сидела рядом, смотрела на него, приподняв бровь.

- Глупый мальчишка, - говорила она, проводя пальцами по его щеке. - Тебе надо проснуться. Иначе, дорогой мой, ты умрешь. А тебе еще рано умирать.

Томас потянулся к ней, стараясь поцелуем разгладить морщинку между бровями, которая появлялась там каждый раз, когда Крылатая начинала сердиться на него. Но только он почти прикоснулся к ее лбу губами, как она отпрянула.

Анабель смотрела на него серьезно, даже строго.

- Томас, просыпайся. Сейчас же просыпайся!

- Зачем? Наяву не будет тебя. Я проверял. - Он попытался обнять ее, но она ускользнула.

- Здесь меня тоже нет. Присмотрись. Что ты видишь? - Крылатая не отпускала его, но и не давала приблизиться. - Что ты видишь, Томас? - повторила она.

Выбившаяся из прически прядь. Две родинки на мягкой щеке. Любимые губы. Зеленые требовательные глаза.

Томас почувствовал, что от его ответа зависит очень многое.

Но рассмотреть знакомое лицо не получалось. Анабель будто таяла, двоилась. У Томаса перехватило дыхание. В груди что-то сжалось, начало давить сердце, гулко стучащее в тишине.

- Что ты видишь, Томас? - повторяла женщина, и ее голос, раньше звеневший колокольчиком, теперь заставлял Крылатого дрожать. - Посмотри на меня! Тебе надо очнуться! - Анабель почти кричала.

Прядь. Родинки. Губы. Глаза. Брови. Морщинка между ними.

«Что? Я вижу тебя!» – хотел ответить он, встряхнуть ее, обнять.

Но звуки застряли у него в горле, как в сыром песке.

Лицо Анабель скривилось, будто ее мучила страшная боль. По щекам потекли слезы, рот некрасиво изогнулся, а между бровями пролегла глубокая морщина.

«Брови!» – понял он.

Две идеальные дуги. Они делали глаза еще больше и выразительнее. Ничто не нарушало красоту. На лице Анабель не было ни единого шрама.

– Ты ненастоящая, – прохрипел Томас. – Тебя нет.

Если бы в нем еще оставались слезы, он бы заплакал. Он бы выл до самой ночи, чтобы наконец избыть всю боль, что в нем жила. Но боги отвернулись от людей. Они не даровали человечеству спасительного дождя, позволив Огню пожрать весь мир. Они не даровали Томасу слез, и черная тоска медленно заполняла его.

– Я ненастоящая, ты прав, – ответила Анабель своим прежним, чарующим переливчатым голосом. – Но я есть. Я всегда с тобой, глупый мой. А теперь, – она наклонилась и прижалась губами к его лбу, – ты должен проснуться. И найти девочку.

Томас хотел крикнуть: «Анабель!» – чтобы удержать ее хотя бы на миг, но воздух вспыхнул в его горле сотней угольков.

Солнце стояло в зените. Огромное и безжалостное, оно испепеляло все, на что падали его лучи.

Томас лежал на вершине песчаного холма, силясь поднять голову. Ему казалось, что внутри черепа медленно переливается темная вязкая жидкость. Глаза резало от песка. В легкие словно набилась тысяча пчел, они жалили его изнутри, не давая вдохнуть. Иссушенное, избитое, изломанное тело не слушалось его совершенно. Впрочем, у него не было сил даже пошевелиться.

Он помнил, как улетал на предельной скорости от серого Вихря. Как пылевая воронка медленно, но неотвратно его нагоняла. Как стало ломить крылья, как невыносимо заболела спина, как в какой-то миг мышцы сковало судорогой так резко, словно кто-то сжал его тело в когтистых лапах. Томас начал падать, но Вихрь подхватил его и закружил с нарастающей силой. Он помнил, как мир вертелся перед глазами, как его ударило пролетающим мимо камнем, и наконец тьма окутала его сознание, милосердно даруя образ любимой.

А теперь он лежал пустыне. Один. Без рюкзака с припасами. Без карты. Без сил. Без надежды.

«Зачем ты разбудила меня, Анабель? – хотелось спросить ему. – Я недостойн и после смерти оказаться рядом с тобой? Да, знаю, что недостойн».

Томас попытался перевернуться на спину, чтобы песок больше не забивался в нос. Резкая боль пронзила позвоночник и взорвалась в затылке. Томас болезненно застонал. И тьма вернулась.

Второй раз он очнулся, когда солнце ушло из зенита. Боль затаилась, она пряталась в теле и давала о себе знать, будто играя с ним в пятнашки, – перемещалась, то стреляя в пояснице, то тисками сжимая голову, то стуча в висках, то пробегая по каждому позвонку. Прислушиваясь к ней, Томас попытался двинуть рукой. Боль, принимая правила, скрутила пальцы судорогой. Когда он пошевелил правой ступней, боль разлилась в теле широким потоком. Оно слушалось Томаса, это не могло его не радовать, но боль следила за каждым движением.

Наконец, собрав в кулак остатки воли, сохранившиеся после встречи с Вихрем, Крылатый рывком перекатился на спину. Хриплый крик вырвался из его обожженного рта. Что делать дальше, он не знал. Нестерпимо хотелось пить. Стадия острой жажды прошла, на смену ей пришел жар, ровный, иссушающий нутро.

Томас знал, что без воды протянет в лучшем случае еще сутки. И это будет мучительное время страшной агонии.

Медальон озабоченно вибрировал на груди, покрытой синяками и ссадинами.

«Знаю, парень, мы с тобой не жильцы, – обратился Томас к нему. – Но мы ведь неплохо полетали, да? Пора и честь знать».

Но медальон продолжал дрожать, поскрипывая в сильном возбуждении. Томас попытался поднять руку и дотянуться до него; получилось это только с третьей попытки. Но и в ладони деревянный амулет не успокоился. Он словно пытался высказать свое возмущение, несогласие с покорной обреченностью, которой подчинился Крылатый. Сам того не понимая, Томас подпитывался силой медальона. Жажда чуть ослабла, боль затаилась в тяжелом затылке и притихла.

Томас ощутил, что еще может ползти. Он не знал, куда, зачем и стоит ли борьба мучений. Но медальон требовал действий. А Крылатый привык исполнять его волю.

– Значит, будем ползти, да, парень? – прохрипел Томас, скатываясь со склона песчаного холма, который мог стать его могилой, но не стал.

Он полз всю ночь. Солнечный жар сменился ночным морозцем. Остывающий песок вначале приятно охлаждал обожженное тело Крылатого, но через пару часов Томас заоченел. Надо было двигаться. Не ведая, в каком направлении, он просто полз, выбрасывая руки вперед и подтягивая тело. Так, раз за разом, часы подряд. Медальон больше не дрожал, тот словно потерял свою мощь, отдав Томасу все, что было накоплено в нем.

Когда Томас замерз так, что у него уже зуб на зуб не попадал, а избитое тело покрылось легкой хрустящей корочкой, Крылатый решил, что это, наверное, и есть конец. Подтянувшись в последний раз, он расслабленно затих на ледяном песке. Ветер легонько теребил его растрепанные волосы. Так нравилось делать Анабель, когда, просыпаясь на рассвете, она хотела его разбудить.

Томаса клонило в сон. Тело уже не трясло от холода, наоборот, оно стало теплым и легким, почти невесомым. Он закрыл глаза в предвкушении, что сейчас увидит Анабель, та склонится к нему, протянет руки, помогая встать. И они не спеша пойдут к самому горизонту.

Через сомкнутые веки Крылатый увидел мерцание огня неподалеку.

«Это Анабель», – решил Томас. Несет факел, чтобы не пройти мимо него в ночи.

Ветер принес звуки незнакомой гортанной речи. И шорох приближающихся шагов. Слишком тяжелых для женщины. Шли несколько людей. Они несли в руках факелы и говорили что-то на своем птичьем языке.

Вот незнакомцы подошли совсем близко, вот они заметили его. Сгрудились над ним, как падальщики.

«Наверное, решили, что я мертв. И разорвут меня, как мертвого, на кусочки», – равнодушно подумал Томас. Ему было все равно. Он ждал Анабель. Она должна увести его к горизонту.

Люди продолжали что-то возбужденно говорить, один из них перевернул Томаса на спину, поддел чем-то длинным его медальон. Воцарилась тишина.

Потом Томас почувствовал, как его поднимают на руки. Боль снова начала свой путь по телу. Анабель не приходила.

Пять человек несли его через пустыню, настороженно перешептываясь. Луна проводила небольшой отряд равнодушным взглядом и скрылась за облаками.

* * *

От книжицы в кожаной обложке исходил теплый запах мужского тела и каких-то специй. Алиса не решилась листать ее, слишком личной казалась эта вещь, абсолютно не вписывающейся в строгий образ Вожака. Углы книжки обтерлись, словно ее постоянно трогали, гладили и листали. На первой странице – Алисе пришлось аккуратно раскрыть скрипящую обложку, чтобы достать карту, – стройным почерком было выведено: «Взлетая высоко, помни о тех, кто ждет тебя внизу. А.».

Алиса никогда не слышала, что у Вожака был кто-то близкий, очень важный, способный написать подобное. В Братстве было принято обсуждать любовные похождения Крылатых, обращая внимание на пикантные подробности, и подтрунивать над особо отличившимися. Но прошлое Томаса всегда оставалось тайной. Поговаривали, что дом Вожака когда-то принадлежал другой Крылатой, что Томас жил с ней много лет назад, а потом... Чем закончилась эта история о

Вожаке, не знал никто. А любые сплетники умолкали при виде его отшлифованного полевыми бурями сурового лица.

Не меньшей загадкой была и карта. На помятом листке Вестник нарисовал извилистый путь от Города к горному ущелью, где прятался оазис. Алиса долго вглядывалась в неровные штрихи, непонятные надписи под ними, в странные волнистые линии по углам. И наконец смогла разобрать обозначение пылевой косы, на которой она сейчас стояла.

Крылья мирно спали у нее за спиной. Впереди расстилалась песчаная гладь пустыни. Она смогла бы долететь до скал, отмеченных на карте острыми треугольниками, за один, максимум за два дня, но Крылатая не могла даже представить, сколько понадобится времени, чтобы дойти туда. Только выбора не оставалось. Алиса решительно встала и начала свой пеший путь.

Лис спал у нее за пазухой, устроившись в старой вязаной муфточке. Ритм шагов убаюкал его, а тепло, сохраняемое плотной курткой, напоминало о сумраке самой надежной лисьей норы. Лис чувствовал, что человеческого детеныша ведет особый путь, один из тех, что бывали только в сказках. Но это не пугало зверька, наоборот, он чувствовал приятное возбуждение: так ожидаешь начала увлекательного приключения. Спокойная жизнь в норе никогда не была ему по духу. И лису, не способному наслаждаться счастьем жизни в кругу родни, помогло несчастье – серый Вихрь. Лис дремал, прислушиваясь к шороху песка под ногами человеческого детеныша. И чуял в этих звуках предвестие больших событий.

Серая от золы пустыня тянулась с востока на запад рваным полукругом. Как мать тянет руки к своему затихшему ребенку, которого лишила жизни лихорадка, так и песчаная коса будто старалась обнять высохшее море и защитить его от безжалостного солнца.

Алисе надо было пройти как можно большее расстояние по этим пескам, а потом отыскать место, где получится отдохнуть, чтобы на следующее утро продолжить путь и снова пройти как можно больше.

«Замкнутый круг, воробушек?» – мелькнуло у нее в голове.

Так, посмеиваясь над ее страхом, Лин готовил Алису к началу испытаний. К тому времени у него за плечами уже был крылатый год, он постоянно летал и казался ей умудренным опытом Братом, знающим мир за Чертой.

По сути это было правдой. Лин не хватал звезд с неба, но он был ловок и смел, исполнял приказы, защищая Город. Он был хорошим Крылатым. И хорошим другом.

Он рассказал ей честно и открыто обо всем, что помнил о трансформации. О неизбежном отклике тела на происходящее внутри; о жутком страхе, о слезах и криках в комнатах лазарета; о первом падении, о вероятности так и не встать на крыло.

Но Лин говорил и об ощущении счастья, которое дарит полет, необъяснимом единении с медальоном, дружеском плече в Братстве, важности дела Крылатых.

Он говорил о том, что первая ступень возрождения почти завершена, – Город обеспечивает себя пищей и защитой. А значит, скоро придет час поиска земли, места, где люди смогли бы жить, не борясь мучительно за то, чтобы выжить.

– Вторая ступень, – говорил он Алисе, и голос его звенел. – Городу нужны крылья, всем живущим нужна наша отвага, воробушек. Замкнутый круг выходит, я знаю. Но поверь, даже самый жуткий страх падения стоит сладости полета.

Лин. Смешливый балбес Лин. Решительный крылатый воин Лин. Страстный и трепетный мужчина Лин.

Алиса не успела разобраться, что же она думает о ночи, случившейся с ними. Слишком многое свалилось на нее после этого. Но в глубине души она знала, что с другом детства их соединяют непреложная близость, единство предначертанного им будущего. И эта спокойная уверенность помогала ей бороться с песком, болью и страхом, давала силы идти вперед, чтобы вернуться. Поцеловать Лина в улыбающиеся губы еще раз, чтобы найти ответ на все вопросы.

«Будет ли тебе кого целовать, воробушек?» – назойливо крутилось в голове.

Томас назвал Лина мертвецом, и теперь, преодолев с Вожаком половину пустыни, Алиса знала: он не из тех, кто бросает слова на ветер. И это была еще одна причина ускорить шаг, идти вперед, сколько будет сил в ее измученном теле. Может быть, она успеет вернуться. Может быть, найдет в оазисе спасение от всех бед. Может быть, все еще будет хорошо.

Путь до скал занял у Крылатой четыре бесконечных дня. Солнце нещадно палило, зола и пепел скрипели на зубах. Алиса раскапывала ямки в ложбинах между барханами, песок под пальцами становился бурым, влажным, а после углубление медленно наполняла отдающая гарью подземная вода. Лис отсыпался во внутреннем кармане ее куртки, изредка попискивая и ворочаясь. Лапка почти зажила, отек спал, и на привалах зверек бодро кружил у ног Алисы, забавно трясая головой с большими ушами.

Когда солнце начинало спускаться вниз, Алиса устраивала короткие привалы, грела воду в котелке, чтобы накрошить туда паек. А лис начинал свой танец, скользя по песку. Небывало сосредоточенный и увлеченный, он очерчивал ровные круги широкими взмахами хвоста, ритмично подвивая. Алиса старалась не выказывать интереса, боясь нарушить их хрупкий союз, но тайком, кидая быстрые взгляды, любовалась, как блестят широко раскрытые глаза на его закинутой вверх мордочке.

Если бы мог, зверек рассказал бы ей, что ритуальному танцу маленьких лисят никто не учит. Никто не заставляет их выходить на поверхность, чтобы проводить солнце. Но внутри каждого лисенка-подростка однажды просыпается эхо зова. Кто-то очень далекий затягивает песню, когда начинает смеркаться. И хочется выскочить из норы, понестись на голос того, кто так одинок в песчаной дали, но все, что могут лисы, – это кружиться на песке, надеясь, что безымянный певец почует их, узнает, что он не один.

И лис танцевал. Кружился на тонких лапках, размахивал огненным хвостом и передавал слова ободрения ветру, чтобы тот донес их зовущему.

«Я иду, неназванный, – скулил зверек в небо, запрокидывая голову. – Мой путь начался, и кто знает, может быть, он приведет меня к тебе. Со мной идет человеческий детеныш, но не бойся, поющий. Она не одержима кровью, как весь остальной ее род. Если у тебя сломана лапа, она даже сможет тебя вылечить. Пой нам, далекий. Кто знает, может, впереди нас ждет встреча».

Когда четвертый день был на исходе, над путницей нависли скалы. Радость от их вида придала девушке сил. Можно было сделать привал, отметить скорый полет щедрой порцией похлебки, выпить затхлой воды. А завтра взобраться на ближайшую скалу, чтобы взлететь Крылатой Вестницей.

До оазиса, отмеченного на карте, было уже рукой подать: от него Алису отделял участок пустыни, который она минует за пару дней полета, а дальше – неизвестность, но в первый раз за последние недели Крылатая чувствовала уверенность в успехе вылазки. За те дни, что она двигалась по пыльной косе, ее дорогу мог пересечь охотник или голодный падальщик, но пустыня была безлюдна. Бури проходили стороной, подземная вода заполняла низинные ямки, а солнце временами уходило в облака. Алиса понимала, что одной благосклонностью фортуны дело тут не обошлось. Что-то вело ее вперед. Расчищало путь, скрывало от глаз врага. Что-то манило ее через скалы, а значит, нужно было идти, пока тело не обессилеет.

В голове у Крылатой, как навязчивые песчаные жуки, кружились безумные мысли.

«А что, если оазис есть? Что, если в нем все так, как говорил Вестник? И трава, и вода, и Дерево? Что, если... – Тут Алиса даже остановилась на секунду. – Что, если это Дерево меня зовет? Странной колыбельной мамы, которую та никогда и не пела. Вдруг это оно защищало меня в дороге и отгоняло диких зверей? Вдруг я слышу его, вдруг я... Говорящая?»

Мысли понеслись с бешеной скоростью, перескакивая друг через друга, сталкиваясь и разлетаясь.

«Вот почему Томас выбрал меня! – Приятное тепло бежало по венам вместе с кровью, голова слегка кружилась от немыслимости предположений. – Ну разумеется, в Городе знали, что я Говорящая. Поэтому послали меня с самым опытным Крылатым. Он должен был защитить меня, довести до оазиса, а там я бы все поняла, но Вихрь нарушил планы. Теперь меня ведет само Дерево, зовет к себе. И я должна идти».

Она прибавила шаг, поднимаясь на первую каменистую гряду. Лис, спавший весь день пути, настороженно поднял уши. Его маленькое сердечко почему-то забилося взволнованно, шерсть на холке приподнялась. Рядом была опасность.

Кто-то прятался в тени скал. Кто-то наблюдал за ними, скрываясь в вечерних сумерках. Лис заскулил, засучил лапками, царапая кожу Алисы через ткань.

Девушка вынула зверька из-за пазухи и опустила его на землю.

– Ну чего ты, Чарли? – Она не раздумывая назвала лиса в честь старой игрушки, и он уже отзывался на это имя, умильно щуря глаза. – Буквально час, и сделаем привал. А завтра полетим! На крыльях, слышишь? Потерпи еще немного...

Но лис встревоженно оглядывался, прижимаясь животом к земле. Ночь спускалась на горы, ветер завывал и шуршал среди камней. Алисе стало не по себе. На спине от страха выступил холодный пот. Она ощущала чей-то взгляд, и мысли о защите Дерева казались ей теперь смехотворными.

Не делая резких движений, девушка потянулась к арбалету, закрепленному ремнем у нее на бедре. Лис, прижимая уши, скулил у ее ног. Воздух стал плотным, не давал сделать вдох.

Первая стрела с визгом пролетела у виска Крылатой. Мир закружился перед глазами, словно волчок.

– Беги! – крикнула девушка лису. И тот бросился в сторону, отчаянно петляя.

Стрелы визжали в воздухе, Алиса отстреливалась, посылая во тьму короткие арбалетные болты, без особой надежды попасть в невидимого противника. Ее обступали, стискивали в кольцо. Сеть взвилась над головой, в одно мгновение заслоняя все небо, а потом упала на Крылатую. Алиса забилась, затрепыхалась пойманной рыбой. Тяжелый удар обрушился ей на затылок, и, коротко вскрикнув, девушка упала на камни.

Гортанно переговариваясь, ее обступил отряд воинов. Один из них осторожно перевернул безжизненное тело и поддел медальон Крылатой длинным посохом. Ночь пронзил птичий крик.

* * *

Сознание возвращалось к Алисе волнами тошноты. Кружилась голова. Кто-то заботливо поддерживал Крылатую за плечи, помогая привстать. Дурнота подкатила к горлу, и девушку вывернуло на темные камни. Кто-то убрал волосы с ее потного лица, поднес к губам фляжку с водой.

- Пей.

Голос из прошлого заставил Алису открыть глаза. Мир опасно двоился и путался. Девушка тряхнула головой, застонала от накатившей боли, но смогла рассмотреть сидящего рядом с ней человека.

Томас, с разбитой губой и заплывшим глазом, но точно живой, все еще протягивал ей фляжку.

- Пей, - повторил Крылатый.

Алиса сделала глоток, но ее снова затошнило, и она съежилась на холодных камнях. Томас приподнял ее голову, быстрым движением вытер ей губы рукавом своей потрепанной рубахи.

- Сильно кружится? - спросил Вожак, осторожно прислоняясь спиной к прутьям. Было заметно, что каждое движение причиняет ему боль.

Алиса с трудом разомкнула губы. Пещера освещалась одним факелом у дальней закопченной стены. В самом ее центре стояла клетка, запертая на массивный замок. Туда и бросили Крылатых чьи-то грубые руки.

- Терпимо, - выдавила она, борясь с тошнотой.

- Эти, - Томас посмотрел сквозь прутья на выход из пещеры, - приходили обработать твою голову. Тебе сильно досталось, но жить будешь. - Он хрипло засмеялся. - Они и меня подлечили.

- Кто они? - Алиса пыталась оглядеться, но в глазах еще мельтешили темные точки.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Вожак, вытягивая ноги. В нем что-то явственно изменилось. Привычная строгость и скупость движений сменились расслабленностью. Это пугало Алису, казалось, что Вожак узнал что-то, изменившее его, разорвавшее путы четких строк Закона. – Они говорят на своем языке, ничего не понятно. Но жестами объясняют доходчиво. Они нас будут судить, девочка. А потом казнят.

– Судить? – Алисе показалось, что она ослышалась, что все это лишь плод его сотрясенного разума. – Казнить?

– Да. Охранник пообещал содрать с меня медальон. А если нас посадили в одну клетку, значит, и ты пленом не обойдешься.

Алиса замерла, глупо моргая. Мир вдруг перестал кружиться. Все стало предельно ясным.

– Если сорвать с Крылатого медальон, он сразу же умрет, – проговорила она.

– О, нет, девочка, не сразу. Еще пару часов мы будем истекать кровью, моля о смерти.

Глава 9

Охранник подошел к клетке, недовольно бурча на своем языке. Просунув между прутьями две маленькие плоские с бурой жидкостью, он присел на корточки у противоположной стены.

– Пей, – посоветовал Томас, поднимая плоскую, и начал отхлебывать из нее. – Он не уйдет, пока мы не вернем их пустыми. А потом заберет факел.

Алиса с трудом поднялась и протянула руку, ощутив приятное тепло каменной плоскости. Варено оказалось приятным на вкус, отдавало пряными травами. Девушку слегка повело в сторону, как бывает от хмельного напитка.

– Что это? – спросила она, вытирая губы. Тело в одно мгновение стало легким, словно вся боль и усталость, что давили ей на грудь, растворились в небытии.

– Они нас опаивают, девочка, – расслабленно протянул Томас, вытягиваясь у решетки. – Готовят к церемонии казни, наверное.

– И вы сказали мне это выпить? – Алиса наклонилась, отплевываясь, но варево растеклось по всему телу мягким теплом. – Зачем мы это выпили?

Охранник недовольно заворочался и прокричал ей что-то со своего места у стены пещеры.

– Тс-с... – Вожак успокоительно похлопал рядом с собой. – Садись. Если мы не выпьем, он нас изобьет. Если ты выплюнешь, он нас изобьет. А потом придет лекарь, чтобы залить варево тебе в глотку.

Алиса еще постояла, покачиваясь, и осторожно присела рядом с Томасом.

– Так вот почему вы такой... – Она смутилась, но прибавила: – Расслабленный.

Томас хрипло засмеялся, потряс головой, но ответил своим обычным, строгим голосом Вожака:

– Забываешься, Крылатая.

Алиса подобралась, выпрямила спину, хотя тело стало совсем мягким и податливым, словно в нем вовсе не было костей. Томас посмотрел на нее и разразился каркающим смехом.

– Вольно. Здесь не действует Закон, девочка, здесь нет Крылатых. И я тебе не Вожак тут. Запомни это. А сейчас спи.

Охранник звякнул связкой тяжелых ключей и отпер массивную дверь. В тусклом свете факела Алиса разглядела его широкие плечи, покрытые плотной вязью татуировок. На нем были лишь выгоревшие штаны и сапоги цвета песка. В огромной ручище он держал длинный посох, второй потянулся к факелу на стене. Ключи звякнули еще раз. Оказавшись внутри клетки, охранник рывком

притянул к себе Томаса, угрожающе рыча. Подержав Крылатого так с пару секунд, он брезгливо откинул пленника и плюнул на его сгорбленную спину.

Алиса подскочила к Томасу, желая помочь ему подняться, но он оттолкнул ее руки, встал сам и проводил охранника взглядом. В пещере воцарилась темнота. Еще немного постояв, Томас сполз по решетке вниз и растянулся на полу, бессильно вытянув ноги. Алиса присела рядом. Они помолчали.

– Чем быстрее ты уснешь, тем быстрее наступит завтра. – Вожак говорил затуманенным голосом. – Просто разреши пойлу тебя усыпить.

– Мы должны попытаться убежать! – Алиса не узнавала Томаса, вся его жесткость и воля исчезли, а сам он словно потерял внутренний стержень, стал ниже ростом, истончился. – Мы не можем сидеть тут, пить их варево и ждать казни!

– Алиса! Мы не сможем убежать. Они отобрали оружие, хорошо хоть не раздели нас. Я избит, обезвожен, я устал, понимаешь? Не было смысла в этой Вылазке. Но мы преодолели даже большее расстояние, чем я рассчитывал. А сейчас нужно признать: эти люди нас казнят. Я не знаю, почему и кто они такие, я не ведал об их существовании так же, как и ты. Я выжил после встречи с серым Вихрем, но дюжина вооруженных варваров меня доконала. А сейчас мы будем спать, я хочу увидеть сон.

Казалось, что эта речь, тихая и безжизненная, лишила его последних сил. Лежа в темноте, Алиса слушала его дыхание, и, несмотря на затуманенность сознания, в ней зрело отчаяние. Тишина давила все нестерпимей, Алиса решилась заговорить снова.

– Серый Вихрь... Вы улетели от него?

Ее голос повис в темноте. Томас не пошевелился.

Крылатая начала погружаться в хмельную дрему, когда Вожак все-таки ответил:

– Почти. Но он меня нагнал. Покрутил и выбросил на песок.

– И вы смогли уцелеть? – Алиса боялась, что тишина, если она вернется, удушит ее в своей мертвой хватке.

– Чудом, – откликнулся Томас. – Я полз куда-то, когда они меня нашли. Приволокли сюда. Охранник поил меня этой дрянью уже четыре раза... Где была ты? В другой клетке?

– Я шла по карте. До скал. Нашла лисенка. Еще немного, и смогла бы взлететь... Но они меня окружили... – Алиса сдерживала подступающие слезы. Сейчас ей было стыдно за свои мысли об избранности. Не было никакого зова, ей везло, но везение иссякло к четвертой ночи. И она просто не заметила опасности, возомнив себя Говорящей.

– Ты. Шла. Пешком. – Вожак помолчал, словно пробуя на вкус каждое слово. – Святые Крылатые, невысказанно.

Он вдохнул пахнувший гарью тюремный воздух, покачал головой, но Алиса этого не видела. Она замерла, прислушиваясь к его движениям.

– Послушай меня, пусть это уже не пригодится, но все-таки. – Томас приблизился к ней, она чувствовала его дыхание совсем рядом. – Чтобы взлететь, тебе не нужна Черта, не нужно падать с высоты. На самом деле ужас от падения живет в тебе с первого шага вниз со скалы. Остается только вспомнить его, и крылья откликнутся.

– Но... почему? – Хмель от варева чуть притупил удивление Алисы, но внутри нее оно возмущенно вопило.

– Чтобы молодняк не садился где ни попадя, чтобы вас пачками не сжирали охотники и прочие хищники, чтобы сохранить для вас романтику полета – выбирай что хочешь... – Томас чуть отодвинулся, но остался сидеть рядом, прислонившись спиной к решетке. – Вестница... Они послали со мной девочку, не знающую азов выживания в настоящем мире. И она почти достигла цели! Слушай, девочка, ты заговоренная? Может, тебя старуха Фета чему научила? – Он отрывисто засмеялся, но почти сразу умолк.

«Сказать ему, что я, возможно, Говорящая? Рассказать все про сон, колыбельную, спокойствие пустыни? Рассказать о чувстве зова, что влечет

вперед, щекочет в горле предчувствием настоящих чудес?»

Но в этом не было уже никакого смысла. Заключение в клетке давило на Алису, лишало сил, хмельная голова так и норовила упасть на грудь. Крылатая почти уже провалилась в сон, когда голос Томаса нарушил тишину.

– Я дал тебе книжку. В кожаной обложке. С вложенной картой. Ты оставила ее в пустыне?

– Они, – Алиса качнула головой в сторону, куда ушел охранник, хотя Томас этого все равно не видел, – отобрали ее вместе с остальным. Я старалась сохранить... Честно. Извините.

– Глупости, – резко оборвал ее Вожак, и Алиса поняла, насколько важна была для него эта вещь.

Помолчав немного, она решилась.

– Я видела там надпись... Кто это – А? – Еще пару дней назад она и представить себе не могла, что задаст Вожаку вопрос о чем-то личном, но хмель развязал язык им обоим.

Томас глубоко вдохнул и чуть слышно выдохнул:

– Моя жена.

* * *

Первый год вместе подарил Крылатым полнейшее и нерушимое счастье. Далекие вылазки в пустыню сменялись уютными вечерами у камина. Они занимались любовью на песке, а потом до самого утра хохотали у костра вместе с Братьями.

Анабель мягко правила Томаса, оттачивала, растила в нем мужчину. Одним легким прикосновением ладони к плечу она могла усмирить его гнев, остановить за шаг до драки, за слово до вызова. Томас чувствовал в своей женщине силу и

мудрость, он хотел однажды дорасти до нее, хотел, чтобы Анабель им гордилась. И она гордилась, замечая, как его порывистый, огненный нрав становится мягче, а поступки разумнее.

Когда Томас, усталый и довольный, засыпал рядом с ней, женщина не смыкала глаз, пытаясь налюбоваться его телом и сильными руками молодого мужчины, ставшего для нее надежной опорой.

Всего один год сделал из Крылатого настоящего воина. Город поручал им самые сложные вылазки, зная, что вдвоем они легко справятся с любой опасностью. Анабель уже не руководила, лишь направляла. Раскрывая крылья, Томас становился ее Вожаком, и это ей нравилось. Почти так же сильно, как запускать пальцы в его волосы, когда он прижимал ее тяжестью своего тела к горячему песку.

Обнаженные, они лежали на пылевом заносе, когда Томас приподнялся на локте и посмотрел на нее без привычной смешинки в глазах.

«Сейчас он скажет, что мы слишком далеко зашли. Что он устал и подумывает отдохнуть от меня». Зеленые глаза Анабель тонули в сером море глаз Крылатого.

– Слушай, – заговорил он, и внутри женщины медленно начали вянуть цветы. – Сколько мы уже летаем вместе?..

Томас умолк, собираясь с мыслями.

Анабель видела, как трудно даются слова ее мальчику. И, вопреки невыносимой боли, что уже разгоралась в ее сердце, она ринулась ему на помощь.

– Я все понимаю, Том. – Своей ладонью Анабель накрыла его губы, чувствуя их привычную мягкость. – Ничего не говори. Нам было очень хорошо, но я все понимаю...

Томас тряхнул головой, убирая ее руку. Посмотрел на любимую с растерянностью, но продолжил:

– Ничего ты не понимаешь. – Он нашел ее ладонь губами и поцеловал. – Я люблю тебя. Представляешь? Целый год вижу, как ты ешь, спишь, расчесываешь волосы, готовишь еду, ковыряешься в зубах... – Томас с улыбкой вжал голову в плечи, когда Анабель шутливо замахнулась на него, а потом поцеловал ее ладонь еще раз. – И я хочу, чтобы это все длилось вечно. Поэтому... – Он потянулся к валяющимся у их ног вещам и, покопавшись в них, прибавил: – Вот.

Томас протянул ей что-то в маленьком мешочке. Распуская тугой узелок, Анабель догадывалась, что находится внутри. Ее пальцы дрожали, когда она достала тонкое колечко с прозрачным, как капелька чистой воды из сказок Феты, камешком, блеснувшим на свету.

– Его мне бабушка оставила. У нее больше ничего и не было. Говорила, что это последняя вещь из мира до Огня...

Он говорил что-то еще, но Анабель уже ничего не слышала.

Мир расплывался в ее глазах, наполнившись соленой влагой, капельки которой срывались с ресниц, падая вниз, на кольцо, руки и песок. Крылатая закрыла ладонями лицо, а Томас уже обнимал ее, укачивал, шептал в кудрявую макушку:

– Ты же будешь со мной, правда? Всегда? Всегда-всегда-всегда...

Анабель кивала в такт этому «всегда», прижимаясь к груди своего мальчика и плача от счастья, в которое только сейчас и поверила по-настоящему.

Их обвенчали на закате ясного дня. Старуха Фета принесла для невесты тонкую кружевную накидку, которая закрывала лицо Анабель, но не могла скрыть ее блестящих глаз. Томас, взволнованный, одетый в старательно очищенный от песка походный костюм, держал ее за руку. Когда Правитель назвал их мужем и женой, молодой Крылатый откинул с лица Анабель накидку и поцеловал ее сладкие губы, запомнив их вкус на всю свою жизнь.

Перед Городом, перед Братством, перед солнцем, что садилось за скалы, перед всем безжизненным миром, который связал их однажды и навсегда, они стали в тот миг одним, неделимым целым.

* * *

Когда Алиса уснула, неловко опираясь на его плечо, Томас осторожно подался в сторону и ушел в другой угол клетки. Пусть в легком девичьем прикосновении не было даже намек на близость, но Крылатый слишком много лет подряд засыпал один в холодной комнате, чтобы стерпеть чужое тепло.

В тени, за кругом света сторожевого костра, что развели ночные охранники, прятался лис. Он бежал весь день, подживающую лапку нещадно дергало, она опухла и плохо слушалась его, но лис не останавливался. Он несся по следу человеческого детеныша. Он боялся не успеть.

Когда девушка крикнула ему «Беги!», лис скрылся в темноте среди камней и сидел там, наблюдая, как вооруженные человеческие воины тащат обмякшую Крылатую в глубь гор. Ее голова безвольно билась о спину гиганта, что забросил девушку себе на сплошь покрытое татуировками плечо. Чужаки скрылись за пригорком, переговариваясь на звучащем резко, с короткими паузами языке.

Лис остался один. Его маленькое сердечко сжали когтистые лапы отчаяния. Совсем недавно он был в самом начале пути к поющему вдалеке, у него появился друг, который кормил его грибной похлебкой. И вот он опять один посреди холодной пустыни. Зверек поднял голову к небу и завыл просто так, не ожидая ответа.

Но неназванный ответил ему.

«Чарли, – раздался мягкий голос в голове рыжего зверька, и он даже подпрыгнул от неожиданности. – Беги, малыш! Беги за ней! Ты должен спасти человеческого детеныша, больше никому. Беги что есть сил, мой хороший, спеши!»

И Чарли побежал, отыскивая на холодной золе отголоски запахов прошедших по ней воинов. Поющий вдали лишь укрепил в нем понимание, что человеческий детеныш не просто дал ему имя, эта девушка с заботливыми ладонями и грибными брусочками в сумке стала его новой родней. А бросить родню в беде, как однажды бросили его самого, Чарли не мог.

* * *

Огонь мягко освещал пяточок у входа в пещеру. Грух устал за длинный день, что он провел на посту у клетки смертников, внимательно наблюдая за каждым движением мерзких существ. Тот, которого они схватили первым, оживился, когда в клетку к нему затащили девчонку. Вскрикнул даже, первый раз за часы, проведенные в каменистых пещерах. А встретили его здесь так, что он должен был взвыть куда раньше. Но, падая от ударов тяжелых кулаков отрядного мясника, он только втягивал воздух разбитыми ноздрями да плевался кровью.

Грух уважал воинов, умеющих терпеть боль. Он сам был таким. Когда в пустыне ему повстречалась зубастая тварь и вцепилась в плечо, он задушил ее голыми руками, разодрал пасть отродью, и кровь текла по его собственному телу багровым потоком. Но Грух тогда не издал вопля, хотя тот почти сорвался с искусанных губ. Теперь плечо украшал грубый шрам, переплетаясь с вязью нательных рисунков.

Не будь пленник богохульником, Грух бы воздал ему должное почтение. Но у того висел на груди деревянный символ мерзкого преступления, а значит, пойманного надо было предать суду. А потом выпить его кровь, разделяя между воинами. Кровь за кровь. Смерть за смерть.

Грух возбужденно поерзал. Девчонка была интереснее. Гладкая, юная, тонконогая, как лисичка, она манила отрядных запахом. Слишком давно они покинули своих женщин, низкорослых и поблекших, слишком долго шли по этим пескам. Если бы не проклятие талисмана на ней, девке бы уже нашлось применение. Но как только суд налитой луны вынесет приговор, как только нежные грудки очистятся от скверны деревом, отряд возьмет свое. И пускай тельце под ними будет истекать последней кровью, кровь всегда льется за кровь.

О, как долго они шли, теряя веру в предсказание. Как всякая надежда уходила из отважных сердец. Как старый воин упал, сломав ногу, как кровь его оросила пески, а крики наполнили пустыню. Как пришлось добить его и съесть, потому что кровь никогда не проливается просто так.

И вот они нашли первое доказательство – послушник мерзкого дерева умирал, распластавшись на песке. Значит, шаман видел правду, значит, услышанный им

зов не был порождением дурмана. Если есть еще под кровавой луной твари с деревянными медальонами, значит, есть и дерево, их дающее.

«Сыновья налитой луны, что восходит на западе, кровь прольется за кровь! – кричал он, сотрясаясь всем телом. – Идите в пустыни, ищите Дерево. Как только падет оно, на землю вернется благодать! Я слышал зов, это Дерево говорило с виновниками Огня. Вы должны найти его раньше, кровью нальется луна и благодатью одарит каждого!»

Грух помнил, как пили они дурман до самого рассвета, прославляя провидца и луну, а с первыми лучами солнца Сыновья перерезали горло шаману, чтобы кровь освятила их поход.

Дюжина отрядов ушла тогда в разные стороны. Грух знал, что они сгинут без смысла. Но если дерево будет срублено, то кровь его прольется за кровь сыновей.

Пока мясник развлекался с пленником, отрядные нашли глубокую пещеру, и клетка, что несли они через пустыню, встала там так ладно, словно была под нее сделана. В ту ночь луна была благосклонна, и отправленные вперед разведчики отыскивали девчонку. Теперь мерзкие отродья ждали суда. Но суд вершится только при полной луне, а над отрядом висел пока ущербный с края овал. Следовало подождать, напоить луну молитвой, чтобы кровь богохульных выродков пролилась во имя светила.

Грух поерзал у костра еще немного. Сыновья луны ушли на охоту, он один остался сидеть у огня, пытаясь почуять сладкий запах юного тела. Но его одолевал сон, голова клонилась на широкую грудь. Вот уже перед ним стояла мерзкая пленница, и тянула к нему свои длинные руки, и терлась об него отвратительно мягкими грудками...

Грух провалился в сон. Лисьи глазки внимательно наблюдали за тем, как он мерно дышит. Ночь была темна.

Алиса тонула в пылевых облаках дурмана, они накатывали и жаром горели на губах. Выплывая из топкого сна, Крылатая разглядела лишь едва различимые очертания клетки в темноте пещеры, куда не проникал ни единый лучик света. Девушка приподнялась, пытаясь рассмотреть Томаса.

– Вода в ведре. Рядом еще одно. Пустое. – Голос Вожака был нарочито спокойным. – Я все равно ничего не вижу, так что не стесняйся.

Алиса осталась лежать на куске мешковины, подавляя в себе раздражение. Крылатый, который, не обращая на нее никакого внимания, вел ее за собой через пустыню, Вестник второй ступени возрождения Города, Вожак, воин – этот человек был ей привычен и понятен. Но сидящий рядом мужчина, таивший в себе боль прошлого, страх и жалость к самому себе, казался ей чужаком.

«Он сдался и обрек нас на гибель, – думала Алиса. – Не пробуя убежать, ждет казни, только и делает, что подстегивает меня своими колкостями».

Алиса чувствовала несправедливость собственных выводов: Вожака избили и опоили дурманящим зельем, он сделал все возможное, но их поймали, а без помощи выбраться отсюда не получится, даже если он начнет рвать и метать, выбивая искры из железных прутьев. Но умиротворенная обреченность Томаса ужасала, сковывала сильнее страха перед гигантским охранником. Крылатый лежал, растянувшись пластом, у стены клетки, не смыкая глаз, дыша глубоко и ровно, словно листая в памяти дни другой своей жизни.

Теперь Алиса знала: Вожак был женат и, видимо, любил свою женщину, если хранил у сердца ее подарок. Крылатая ощущала вину: столько лет Томас берег маленькую книжицу, а она умудрилась потерять ее всего через пару дней после того, как она у нее оказалась. Как страдальчески он оборвал ее извинения, как глухо прозвучали слова о жене, словно Томас отвык говорить о ней, словно боль, которой он избегал, вернулась к нему и проявилась с новой силой.

Но все терзания Вожака, вину перед ним и жалость к оставленному в одиночестве лису перевешивал страх. Деревянный медальон прилегал к коже, провисая на тоненьких корешках, что прорастали через тело, тянулись вглубь, оплетая ее изнутри. Никто в Городе не говорил о возможности снять медальон. Человек становился воином Дерева до последнего вдоха. Крылатого хоронили, если от него оставалось то, что можно было предать земле, вместе с

драгоценным кусочком старого мира.

На новом теле медальон бы просто не прижился. Вместе с Крылатым уходили и его крылья. Никому бы и в голову не пришло глумиться над телом, разъединить же медальон с живым еще человеком, вырвать с корнем из него таинственную силу... О таком Алиса даже не слышала. Медальон, горячий, трепещущий, как маленький зверек, прятался между ее ключиц. Девушка сжала его в ладони, натягивая тонкие корешки, идущие от кусочка дерева внутрь тела.

- Мы что-нибудь придумаем, я тебе обещаю, - одними губами прошептала она.

- Ну, теперь-то уж точно конец, парень, - чуть слышно рычал Томас, стискивая в руке медальон.

Пальцами он чувствовал, как истончилась деревянная пластинка, каким слабым теплом медальон пытается ободрить его. Слишком много сил потратили они на бессмысленный рывок по пустыне. И куда в итоге попали? В тесную клетку, на суд варваров. Ладно бы только он, его место в преисподней давно пустует, но он подвел Алису, эту глупую, несмышленную, уверенную в своей избранности девчонку.

Томас подавил в себе вой. Сдержал желание вскочить, биться кулаками о железные прутья, плевать и рычать на пленителей; ему хотелось вырваться из клетки, вцепиться в лицо охранника и выколоть ему глаза. Но все это лишь напугает девчонку. Ради нее он должен был оставаться спокойным, делать вид, что покорился судьбе, чтобы сердечко Алисы окутала успокоительная пелена смирения.

* * *

«Что же делать? Что же делать?» - Мысли метались в маленькой рыжей голове, пока Чарли прятался в тени за пределами круга света от костра.

Он знал, что человеческий детеныш где-то тут, совсем рядом, чувствовал отчаяние и страх. И ощущал еще кого-то, чья глухая ярость пугала лиса. Но главный враг был иной: тупой и сонный, похотливый, сильный, сжимающий в потной руке ключи от клетки. Как выкрасть тяжелую связку, дотащить ее до

Алисы и не разбудить злобного стражника, если ты крошечная хромая лиса? Чарли даже завыл от бессилия.

«Цапни его, просто укуси, маленький мой воин, – произнес внутри головы особенный, мягкий голос поющего. – Но главное – до крови. Сделай так, чтобы его кровь пролилась. И беги изо всех сил к крылатой девочке, потому что, если воин тебя поймает, я не сумею помочь».

Горькая печаль неназванного накрыла волной Чарли, но для сочувствия у него не было времени. Если к костру подойдет еще один полуголый воин, даже всего один, то шанса спасти девочку не останется. Лис выскочил из тени и бесшумно ринулся к спящему охраннику.

Груху снилась молодая пленница. Она терлась об него горячим телом, постанывая в его сильных руках. Вот он впился в ее нежную шейку губами, вот укусил до крови и начал пить ее, словно из кубка. А она знай подставляла под его укусы юное тельце и стонала так сладко. Грух крутил ее в лапищах, тискал и мял, наслаждаясь ее болью и желанием, отражавшимися на юном личике. Пленница изогнулась дугой, припала к широкой груди воина, покрывая поцелуями узоры на его коже, а потом медленно охватила своими горячими губами палец на его руке, лаская язычком, покусывая острыми зубками. Грух возбужденно зарычал, еще секунда – и он повалит ее на песок, прижмет своим телом грубо, животнo...

Острая боль пронзила его руку и вырвала из томительного сна. Пленница, которая мгновение назад постанывала, сидя на нем, вцепилась зубами ему в палец, силясь вырвать кусок плоти, пролить кровь. Его кровь воина! Грух взревел, поднимаясь на ноги, и сбросил плутовку с себя. Кровь теплой струйкой потекла вниз по руке. Ярость тяжелой волной захлестнула голову, в глазах потемнело. Девку следовало убить прямо сейчас, не дожидаясь отряда и суда. Она пролила его кровь! А кровь проливается только за кровь.

Но чертовки нигде не было. У костра, куда упало ее неожиданно легкое тело, не виднелось ровным счетом ничего. Только рыжие всполохи огня. Воин пригляделся к ним и увидел маленького зверька. Узкая мордочка его была вся в крови. Грух постоял немного, соображая. Пленница не выходила из клетки, а сладкий сон о девочке прервал гадкий песчаный лис. Достать его! Сломать гнусную шею! Выпить всю кровь, сожрать сырое мясо, а шкуркой украсить сапоги!

Чарли била дрожь, желудок выворачивало от соленого привкуса крови чудовища.

«Надо увлечь его за собой, – твердил про себя зверек, сдерживая тошноту и панику. – И только тогда бежать. Бежать что есть сил».

Как только воин шагнул в его сторону, утробно рыча, лис метнулся к пещере. Он не знал, что будет делать, когда окажется внутри. Но если неназванный велел ему бежать, он будет бежать. Лишь бы спасти человеческого детеныша. Лишь бы дойти с ней до зовущего.

Когда охранник ввалился в пещеру, фыркая и плюясь пеной от ярости, Томас вскочил на ноги, прикрывая собой сонную Алису. Маленькая пушистая тень бросилась к ним, мелко дрожа.

– Чарли? – Алиса схватила зверька и прижала к себе. – Томас, это мой лис, я рассказывала! Он нас нашел...

Томас ее не слышал. Разом подобравшись, он наблюдал, как охранник открывает клетку. Ярость застилала маленькие глазки. Оставив за спиной открытую дверь, он начал шарить руками в темноте. Глаза пленников давно привыкли к царящему в пещере мраку, а Грух, забежав внутрь, вмиг ослеп, всполохи костра еще стояли у него перед глазами.

– Кровь, кровь, кровь... – рычал он, наклоняясь к полу, чтобы нащупать во тьме маленькое пушистое тельце. – Кровь за кровь!

Томас неслышно обошел охранника со спины, взмахом руки велел Алисе отойти в дальний угол. Он обрушился на воина одним коротким ударом, в который вложил все силы, и повалил варвара на землю. Не видя, с кем он борется, не понимая, как из сладкого сна он так скоро попал в сырую пещеру, Грух попытался сбросить с себя Крылатого, но жилистые руки Томаса уже охватили его короткую шею.

Алиса прижимала к груди пушистого лиса, и дрожь его маленького тельца передавалась ей. Ужас сковывал все их естество, надо было броситься на помощь Томасу, но Алиса продолжала стоять, опираясь спиной на холодные

прутья клетки, и смотреть, как Вожак душил огромного воина.

Пару бесконечных минут тишину пещеры нарушали только предсмертные хрипы охранника, Томас же не издал ни звука, пока не почувствовал, что гигантское тело под ним, вздрогнув последний раз, обмякло. На дрожащих ногах он поднялся и обернулся к застывшей девушке.

– Надо убираться отсюда, пока остальные не вернулись. – В его голосе снова появились железные нотки. – Пойдем.

Они вышли к костру и увидели, что небо уже светлеет у горизонта. Оглядевшись, Алиса заметила свой рюкзак: распотрошенный, он лежал позади костра. Отрядные не забрали ничего ценного. Пайки остались внутри вместе с флягой. Только истоптанная муфточка комком валялась рядом. Алиса осторожно подобрала ее и засунула в рюкзак. Вещей Томаса видно не было.

– Я все потерял, еще когда меня настиг серый Вихрь, – проговорил он, осматриваясь. – Арбалет твой они сломали, вон, догорает. Надо хоть посох, что ли, забрать...

Вожак подошел к костру и замер: огонь облизывал обломки арбалета, тонкие бумажные странички он пожрал в самом начале, от них осталась только зола. Кожаная обложка старой книжицы, обуглившаяся почти до неузнаваемости, лежала на камнях. Затапав пламя, Томас поднял ее, отряхнул и спрятал во внутреннем кармане куртки.

Не говоря ни слова наблюдавшей за ним Алисе, он подхватил ее рюкзак и пошел в сторону ближайшего пригорка. Крылатая, все еще прижимая к себе Чарли, смотрела ему вслед. А потом, спохватившись, поспешила за Вожаком, на ходу устраивая лиса за пазухой.

Глава 11

Свадьба Крылатых была похожа на цветастое покрывало, сшитое из сотни ярких лоскутков. Вот Томас кружит Анабель в танце, и она красиво выгибает спину под

его ладонями. Вот Крылатая смеётся, протягивая руки к старухе Фете, а та хохочет ей в ответ. Вот Анабель жмурится, утыкаясь лбом в плечо мужа. Вот Правитель поднимает бокал, а Томас под столом кладет руку жене на колено, нежно его поглаживает и поднимается всё выше по бедру, пока она старается сохранить серьёзный вид. Вот солнце клонится к закату, на нежной коже Анабель появляются мурашки, и Томас старается поцеловать каждую из них. Вот Крылатые, хохоча, подходят к дому, вот Том поднимает жену на руки и переносит через порог, а она затихает в его руках. Вот он находит её терпкие губы своими, вдыхает запах нагретых солнцем волос, вот медленно расстегивает лёгкое платье, вот она стоит перед ним нагая и прекрасная. Вот. Вот. Вот.

А потом жизнь пошла своим чередом. Они летали в пустыню, не разжимая рук, шагая в пустоту за Чертой. Обзавелись своими шутками, понятными только им. Этими полувзглядами, полужестами единства двух существ. Томас потерял счет времени, что несло ровным счастливым потоком.

Вечерами, насидевшись с Братьями у костра, они лежали в своей постели, мечтая, как полетят вместе с Вестниками в незримую даль над бескрайними песками. Если кто и мог найти живую землю, то, разумеется, только они – двое влюбленных Крылатых. Накручивая на палец каштановую прядь, Томас в ярких красках рисовал, какой зеленой и сочной будет трава у них под ногами, как напьются они невероятно чистой воды, каким будет то самое Дерево. Анабель смеялась, но от глаз Крылатого не могло ускользнуть, насколько страстно она мечтает о живой земле.

– Мы разумеся, слышишь? – говорил Томас, видя, что жена от этих слов довольно щурится, словно ручная лиса, которой почесывают за ушами. – И босиком пройдемся по траве, она будет прямо пахнуть, влажная, полная жизни. А рядом... Рядом будет течь ручей, представь, как он журчит, представь, что можно окунуть в него пальцы. И солнце мягкое-мягкое... Там-то ты мне и отдашься, прямо на мокрой траве, как похотливая лисичка...

Анабель чувствительно щипала его за бок:

– А Дерево станет за нами наблюдать!

– Ну, если тебе так хочется, то будет. Куда же оно денется, – отвечал Томас и с хохотом валился на пол с кровати под градом ударов ее острых кулачков.

Прошло без малого три года спокойной жизни в маленьком доме у Черты, когда настало то утро. Утро, которое Крылатый старался забыть, но память всегда была к нему немилосердна.

Их разбудил тревожный стук в дверь на рассвете. Недовольно бормоча себе под нос, Томас босой подошел к двери. На пороге стоял Ким, один из молодых Братьев, еще не допущенный к заданиям: он был посыльным в Городе, выполняя нужную, но скучную работу.

– Томас! – Его глаза лихорадочно блестели. – На Гряде напали охотники! Правитель зовет вас с Анабель к себе. Сейчас же.

Крылатому понадобилась пара секунд, чтобы полностью осознать услышанное. Нести службу на гряде означало перейти на высшую ступень в Братстве, быть признанным самым опытным и надежным среди остальных. Почетней было только оказаться в рядах Вестников, о которых Город шепчется уже не один год.

Радость от скорых перемен захлестнула Томаса. Он отослал Кима к Правителю с обещанием прийти без промедления и бросился будить жену.

Анабель в последние недели часто бывала не в духе, она быстро уставала и много спала. Томасу казалось, что ее всегда грациозный стан потерял былую тонкость, бедра округлились, движения стали плавными, хотя это ни капли ее не портило. Иногда он ловил на себе такой взгляд жены, словно она в чем-то сомневалась на его счет. Но бурная жизнь Крылатых не давала ему времени задуматься о переменах. Когда Анабель уходила от костра в самый разгар веселья, чего не бывало раньше, он лишь пожимал плечами: женщины, кто их поймет...

– Эй, Крылатая, – пропел он, натягивая рубашку. – Город зовет!

Анабель разлепила веки и посмотрела на него, словно не узнавая, а потом села в кровати.

– Такая рань... Только рассвело, куда ты?

Ее медлительность начала раздражать Томаса.

– Нас вызывают в Город. – Он навис над женой, потянул ее за руку. – Собирайся, на Гряде напали охотники, нас захотят отправить туда. Слышишь?

Энергия билась в Томасе, ему хотелось, чтобы Анабель, его воительница, его Крылатая, поделила восторг перед будущими переменами. Но она продолжала сидеть, утонув в подушках, не двигаясь, а морщинка между бровями делала ее лицо старше и грубее.

– Ты меня слышишь? – Он чуть повысил голос, и морщинка стала еще глубже.

– Я слышу. Не кричи. – Анабель спустила ноги вниз, на холодный пол. – Они погибли?

– Кто? – Томас уже зашнуровал высокие ботинки.

– Твои Братья, на которых напали охотники, – с нажимом ответила она, не сводя с мужа взгляда. – Те, кто радовался дальнему назначению до тебя, они погибли?

– Да... Нет... Святые Крылатые, я не знаю! Нас ждут в Городе. Пошли.

Анабель молча прошла мимо Томаса, и он с неудовольствием отметил, как натягивается ночная сорочка у нее на бедрах и что плоский живот, который он так любил ласкать, чувствуя под кожей натянутые мышцы, утратил упругость.

По спящему городу они добрались до дверей покоев Правителя. Воздух не дарил ни единого глотка свежести, пахло извечной гарью, смесью запахов сожженного мира и холодного песка. Тишина, что грозовой тучей разрасталась между Крылатыми, пахла точно так же.

«Ничего, – думал Томас, подстраиваясь под шаг жены. – Она просто не выпалась, сейчас распробует новость на вкус и сразу поймет, как круто поменяется наша жизнь. Это вернет нам былую прыть. Пепел, пыль, маленький дом в ком угодно погасят интерес к жизни. Ведь она меня старше... На целых

десять лет дольше в пустыне. Но Гряды – это же совсем другая история!»

За годы, минувшие с того памятного, грозового дня в пещере, он первый раз вспомнил о разнице в возрасте между ними. И тут же поспешил отогнать эту мысль, как надоедливую муху. Раньше Город не давал ему таких опасных поручений, не отправлял так далеко. Они полетят на гряды вдвоем, никакого уютного домика, только скалы, пустыня и крылья. То, что надо, чтобы Анабель встряхнулась.

Правитель принял их в личных покоях. Сам он сидел в глубоком кресле у окна. Морщинистые руки его лежали на коленях. Город спал перед глазами серой, пыльной грудой. Безрадостная картина жизни тех, кому было суждено влачить здесь жалкое существование, навевала тоску и презрение, но Правитель привык. Он привык к привкусу праха во рту, прах давно стал его верным спутником. Он привык к вечно требующим свежей еды и чистой воды людям. Он привык к тревожным сводкам с дальних рубежей. Он привык, что Город стареет вместе с ним. Но пока есть эти серые дома, есть и их Правитель. Пока есть Правитель, будут и серые дома за окном.

Он поднял голову и посмотрел на вошедших. Встрепанный Томас, вояка и сорвиголова, так и светится радостью. Мальчишке давно хотелось на гряды. Сегодня он получит желаемое назначение. К женщине, чей высокий лоб разрезала глубокая морщина, Правитель присмотрелся внимательнее. Он ее помнил. Когда-то, давно настолько, что и вспоминать смешно, ее молодое и стройное тело будило в нем желание. Но Крылатая отвергла его, как отвергала потом всех, кроме своего мальчишки. Если бы он мог, Правитель залился бы сейчас злорадным смехом: между этими двумя что-то сломалось. Он чуял отстраненность в позах, видел искорки в глазах, обычно эти самые искорки дают начало пожару, огню, что сожрет их маленький мир, как настоящий Огонь поглотил мир большой.

Пауза затянулась. Томас топтался в дверях, Анабель, не спрашивая разрешения, присела на краешек стула.

– Мне сложно говорить это, – начал Правитель, не утруждая себя даже формальным приветствием, – но двое ваших Братьев погибли, исполняя свой долг этой ночью. Очень жаль. – Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Что будет с их телами? – Голос Анабель прозвучал с неуместной для этой комнаты резкостью.

– Тел не осталось, – спокойно ответил Правитель. – Охотники – злобные твари пустыни, не мне вам рассказывать.

– Как обычно, – проговорила женщина, рассматривая свои ладони.

Томас не мог понять, какая муха укусила Анабель. Сам же он был готов расцеловать сидящего напротив старика, ведь еще секунда, и с этих сухих губ сорвутся главные слова его, Томаса, крылатой жизни.

– Итак, я позвал вас, наших лучших воинов, чтобы сообщить: именно вы смените павших на посту. Завтра вы должны прибыть на Гряду. Оценить сложившуюся там обстановку. Подготовить доклад для всего Города. А после этого вы отправитесь обратно, чтобы нести постоянную службу на дальнем рубеже.

Сердце Томаса бешено заколотилось в груди. Все, о чем только может мечтать Крылатый... Да что там! Все, о чем только может мечтать мужчина... Человек! Ведь ему поручено выполнять опасное задание Правителя...

– Нам нужно подумать, – с плохо сдерживаемой яростью произнесла Анабель.

Томас захлебнулся воздухом. Он знал голос жены до тончайшего полутона, а сейчас ему показалось, что он слышит незнакомую женщину.

Не слушая возражений, даже не оглядываясь на изумленного Правителя, Анабель схватила мужа за руку и повела прочь из покоев. Дверь хлопнула. Город спал, тяжело вдыхая горький воздух. На улице Анабель отпустила Томаса и зашагала в сторону дома. Он нагнал ее у самого порога, задыхаясь гневом, схватил за плечи и резко повернул к себе.

– Ты в своем уме? – Он не знал, не мог подумать даже, что женщина, состоящая из его поцелуев и ласк, способна так отвечать Правителю.

– Отпусти. – Анабель поморщилась, потирая красные пятна на коже, – следы его пальцев. – Нам надо все обсудить. Заходи в дом.

Комната еще хранила тепло сна переплетенных тел. Но Томас оглядел ее новыми глазами. Тесное помещение, полное бабских тряпок, ненужных безделушек. Ему стало душно, словно он только что осознал, насколько ненавистна ему такая жизнь.

– Мы Крылатые! – Он почти кричал. – Как ты смеешь отказывать Правителю, когда он посылает нас на Гряду?! Ты хочешь прожить здесь до самой смерти? – Томас обвел руками комнатку; его захлестнуло презрение. – Ведь это все – жалкое существование, Анабель.

Она смотрела на него глазами, полными необъяснимой боли.

– Это все, Том, – место, где мы были счастливы. Это все – место, что мы называли домом. Никто не вправе заставить нас отсюда улететь. Правитель не наш Вожак, а Вожак не отправит нас на Гряду, если мы будем против.

– Мы не можем быть против! – Томас кричал. – Это же мечта!

– Твоя мечта, милый. – Анабель устало присела на разобранную кровать. – Ты никогда не спрашивал, о чем мечтаю я...

– Я знаю, о чем ты мечтаешь! Ты хочешь стать Вестницей, так же, как и я. – Он смягчился. – Послушай, нам нужно провести пару лет на Гряде. Да, там неуютно – но в пекло уют! Мы Крылатые, у нас будет небо – и мы у нас будем! Представь, как здорово все сложится: пустыня, опасности, никого рядом... Нельзя стать Вестником, если не покажешь себя там, на дальнем рубеже...

– С чего ты взял, что я хочу стать Вестницей? Что мне не нужно ничего, кроме неба и крыльев? – Она снова посмотрела на него с сомнением.

– Ты сама говорила! – Томасу начало казаться, что все это – глупая шутка. Еще немного, и жена зальется смехом, бросит в него подушку, назовет болваном, и они пойдут к Правителю и скажут, что согласны – согласны лететь, жить.

Но Анабель не засмеялась.

– Я говорила, Том, что хочу увидеть траву, хочу почувствовать ее пряный запах. Хочу опустить ладони в прохладную прозрачную воду... Хочу увидеть настоящую жизнь, а не борьбу за выживание... Но я не обязана туда лететь, мы все знаем, прежнего мира нет. Но зато есть то, что получилось сохранить. Есть мы с тобой, есть наш дом. Посмотри, как здесь хорошо... Здесь мы смогли бы построить наш собственный мир, не подвластный огню и гари.

– Святые Крылатые! Анабель! – Он присел у ее ног, чтобы его серые с медными крапинками глаза оказались на одном уровне с ее зелеными глазами, чтобы не видеть ничего, кроме ее глаз. – Наше будущее – это мы с тобой, пустыня и небо. А дом не дает нам вдохнуть свободно, я уже совсем не узнаю тебя. Ты стала... – ярость и непонимание бушевали в Томасе, – другой. Я брал в жены полную сил и решимости Крылатую! Как ты была прекрасна в своей силе, легка в полете. А сейчас, ну посмотри на себя...

Он запнулся, осознавая, что говорит. Но слов было уже не вернуть.

Анабель засмеялась, этот смех, глухой и отрывистый, много лет потом преследовал его во снах. Она оперлась на его плечи руками и оттолкнула с такой силой, что он повалился на пол.

– О, мой мальчик, ты даже не представляешь, как я изменилась! – Она продолжала смеяться. – Если твое будущее – пустыня и гарь, то меня в этом будущем не будет. Лети! Лети за своей сказкой, Крылатый. А меня, старую и уставшую, оставь в покое.

Она встала и прошла в дальний угол комнаты, села к мужу спиной. Томас поднялся на ноги, гнев кипел в нем, но любовь к той, прежней Анабель была сильнее любого гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/vinget_olli/posle-ognya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)